

МАРГАРИТА ФУАРО • ЛИССБЕТ КОТЦОВА

РАЗВОД С ДРАКОНОМ
ХОЗЯЙКА ЛЕСА
ПРОТИВ ЧЁРНОЙ КОРОНЫ

**Лиссбет Котцова
Маргарита Фуаро**

Развод с драконом. Хозяйка леса против чёрной короны

<https://litres.ru/74496448>

Аннотация

Ева де Вальер уже пережила предательство мужа-дракона, стала хозяйкой запретного Глухолесья и спасла сердце мёртвого Арвенна. Казалось бы, самая страшная битва осталась позади.

Но расколотая корона выпустила новый очаг древней гнили.

Теперь тьма уходит на север, к Обителю Чёрной Короны - месту, где хранят память о первой болезни. И её цель больше не только лес, драконы или императорский трон.

Её цель - Северин Арвенн.

Ему обещают вернуть украденное прошлое, имя, силу и корону, от которой он отказался. Но каждый подарок Чёрной Короны требует платы: сначала болью, потом памятью, а потом душой.

Еве придётся снова идти туда, откуда никто не возвращается прежним. Рядом с ней - изгнанный принц, который выбрал быть человеком, а не королём, и бывший муж-дракон, который впервые пытается исправлять прошлое делами, а не словами.

Глухолесье дышит. Арвенн просыпается. Империя больше не верит своим печатям.

А на севере уже прочитали первое письмо.

Содержание

Глава 1. После спасения императора	5
Глава 2. Письмо, которое уже прочитали	19
Глава 3. Имя, которое позвали с севера	34
Глава 4. Люди без имён	48
Глава 5. Сон наследника	63
Глава 6. Казнь в снегу	76
Глава 7. Две ночи до новой луны	89
Глава 8. Тот, кто вспомнил тепло	103
Глава 9. Женщина с глазами Северина	118
Глава 10. Тропа под камнем	133
Глава 11. Часовня молчания	150
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Глава 1. После спасения императора

Столица встречала рассвет колоколами.

Они звонили долго, гулко, будто город пытался убедить сам себя: ночь закончилась, император жив, купол очищен, а чёрная корона расколота.

Люди выходили на площади, поднимали лица к золотым башням, плакали, обнимались, срывали с груди имперские знаки и прятали их в карманы, словно ещё вчера эти знаки были гордостью, а сегодня стали ожогом.

Я смотрела на всё это из окна северной часовни и чувствовала странную пустоту.

Победа всегда представлялась мне иначе.

Наверное, должна была быть радость. Облегчение. Гордый вздох. Сцена, в которой все благодарят, музыка звучит, герои смотрят вдаль.

На самом деле у меня дрожали руки, болели рёбра, во рту стоял привкус железа, а в голове крутилась одна мысль: чёрный мотылёк успел улететь.

Мы спасли императора.

Но болезнь ушла дальше.

Поэтому звон колоколов казался не праздником, а предупреждением.

— Ты опять стоишь, хотя должна сидеть, — сказал Северин за спиной.

Я обернулась.

Он вошёл тихо, как всегда. Тёмный плащ был порван у плеча, на щеке — тонкая царапина, волосы растрёпаны ветром после полёта. На фоне белых стен часовни он выглядел чужим: лесным, опасным, слишком настоящим для дворцового камня.

— Я сижела уже почти десять минут, — сказала я.

— Почти пять.

— Ты считал?

— Да.

Почему-то от этого стало теплее.

Не потому, что приятно, когда тебя контролируют. Это как раз бесило. А потому, что в его голосе слышалась не власть, а тревога. Он не пытался решать за меня. Он просто стоял рядом, готовый подхватить, если я снова сделаю вид, что держусь.

Я устало прислонилась плечом к оконной раме.

— Город ликует.

Северин подошёл ближе, посмотрел вниз.

На площади перед дворцом толпа расступалась перед рядами стражи. Люди складывали в корзины печати, перстни, значки ведомств, медальоны чиновников. Всё, что могло быть заражено через корону, теперь отправляли в изоляцию.

— Город испуган, — сказал Северин. — Ликуют громко.

Боятся тихо.

Я посмотрела на него.

— Откуда ты всё это понимаешь?

Он чуть усмехнулся.

— Я вырос среди тех, кто выжил только потому, что умел слушать тишину.

Ответ был спокойным, но внутри него пряталась такая усталость, что я сразу пожалела о вопросе.

После Арвенна он изменился.

Нет, не стал мягким. Северин и мягкость были понятиями из разных вселенных. Но в нём появилась глубина, от которой становилось тревожно. Он увидел город своих предков. Увидел короля, которого мог бы назвать кровью. Отказался от короны, хотя та тянулась к нему через каждую трещину старого мира.

И теперь стоял здесь, в столице империи, которая когда-то выжгла память об Арвенне.

Рядом со мной.

— Ты жалеешь? — спросила я.

— О чём?

— Что не взял то, что предлагала дорога. Трон. Имя. Право стать тем, кого все ждали.

Он посмотрел на меня долго.

— Если человек берёт власть только потому, что его долго ждали, это плохое начало.

Я опустила глаза.

— Красиво сказал.

— Не специально.

— Тем более.

Он сделал шаг ближе, но не коснулся. Между нами оставалось расстояние в один вдох. Очень маленькое. Очень опасное.

— А ты? — спросил он.

— Что я?

— Жалеешь, что не сбежала, когда могла?

Я хотела ответить шуткой. Хотела сказать что-нибудь про то, что бегать в моём состоянии вредно. Но слова не пришли.

За окном звонили колокола. Внизу люди праздновали спасение. А где-то далеко на севере чёрная стая мотыльков несла часть древней гнили туда, где её уже, возможно, ждали.

— Иногда, — сказала я честно. — На секунду. Потом кто-нибудь снова начинает умирать, и вопрос отпадает.

Северин нахмурился.

— Ты говоришь об этом слишком спокойно.

— Если сказать иначе, начну кричать.

Он медленно кивнул.

И не стал требовать от меня красивых признаний.

За это я была ему благодарна.

Дверь часовни открылась.

На пороге появился Рейнар.

Герцог Алого дома выглядел так, будто его собрали из гордости, бинтов и чистого упрямства. Лицо бледное, под гла-

зами тени, на шее ещё видны тонкие следы гнили. Но стоял он прямо. Слишком прямо для человека, которому утром запретили даже подниматься без помощи.

Я посмотрела на него.

Он сразу поднял ладонь.

— Я знаю.

— Сомневаюсь.

— Мне следовало лежать.

— Уже лучше.

— Я лежал.

— Сколько?

Рейнар помолчал.

— Некоторое время.

Северин сухо произнёс:

— Примерно три минуты.

— Предатели повсюду, — заметил Рейнар.

Я вздохнула, хотя губы сами дрогнули.

Вот что было самым странным. Ещё недавно при виде Рейнара внутри всё сжималось от злости, чужой боли Эвелины и моей собственной усталости. Теперь злость никуда не ушла, но стала другой. Менее острой. Более осознанной.

Он не был прощён.

Но уже перестал быть только раной.

Иногда это раздражало сильнее.

— Зачем пришли? — спросила я.

Рейнар посмотрел на Северина, потом снова на меня.

— Император очнулся полностью.

Я выпрямилась.

— Говорит сам?

— Да. Слаб, но разум ясен. Императрица рядом. Приворных магов отстранили. Канцлер Вейр исчез.

Воздух похолодел.

— Исчез?

— Его покои пусты. В архиве короны сожжены три шкафа документов. В подземном хранилище нашли заражённые чернила и клетки с птицами.

— Птицами?

Рейнар кивнул.

— Почтовыми. Только они уже не птицы.

Северин тихо выругался.

Я почувствовала, как усталость отступила. На её место пришло неприятное, липкое понимание.

Если заражённые птицы успели улететь до очищения короны, приказы могли разлететься по всей империи. Не только приказы. Зов. Метки. Маленькие очаги.

— Сколько выпустили? — спросила я.

— Пока нашли семь пустых клеток.

Семь.

Цифра прозвучала слишком аккуратно, почти намеренно.

— Направления?

— Север, восточные провинции, два письма в драконьи дома, одно в порт Лаверн и одно... — Рейнар замаялся.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Куда?

— В земли за Чёрным хребтом.

Северин резко повернул голову.

— Там нет имперских наместников.

— Зато есть старые монастыри, — сказал Рейнар. — И один из них связан с Арвенном.

Северин побледнел.

Почти незаметно, но я уже знала его лицо слишком хорошо.

— Какой монастырь? — спросил он.

Рейнар ответил не сразу.

— Обитель Чёрной Короны.

Тишина стала тяжёлой.

Даже колокола за окном будто ушли куда-то далеко.

— Объясните, — сказала я.

Северин подошёл к столу, опёрся на него ладонями.

— До падения Арвенна там хранили то, что считалось опасным даже для хранителей. Не артефакты власти. Не оружие. Память.

— Память о чём?

Он поднял глаза.

— О первой гнили.

Рейнар продолжил:

— По легенде, король Эдвард нашёл не саму болезнь. Он нашёл её след. Осколок более старой чёрной короны. Не им-

перской. Древней. Её спрятали за хребтом, потому что она умела делать самое страшное.

— Что?

Рейнар посмотрел на меня.

— Убеждать людей, что их боль даёт им право на всё.

Я села.

На этот раз сама.

Потому что ноги вдруг стали ватными.

Вот оно.

Не просто новый очаг.

Источник идеологии болезни.

Не гниль как заражение тела. Гниль как оправдание.

“Меня ранили — значит, я могу ранить”.

“Меня лишили — значит, я могу забрать”.

“Я страдал — значит, имею право заставить страдать других”.

Очень человеческая болезнь.

Самая заразная.

— Поэтому Эдвард туда и ушёл, — сказала я тихо. — Или то, что от него осталось.

Северин кивнул.

— Если он доберётся до обители, то получит не тело и не трон. Он получит учение. Старую память, которая может поднять всех обиженных, униженных, преданных.

— Таких много, — сказал Рейнар.

Я посмотрела на него.

Он не отвёл взгляда.

Да. Он знал.

Он сам создал одну такую боль. Эвелину.

А теперь стоял здесь и понимал, как легко чужая обида становится дверью для тьмы.

Дверь снова открылась.

Вошла императрица Аделаида.

Она была одета в простое серое платье, волосы убраны без украшений. На запястьях — свежие повязки поверх ожогов от печатей. Рядом с ней шёл мужчина, которого я сначала узнала только по глазам.

Император Валериан.

Без короны он выглядел старше. Слабее. Человечнее. Чёрные следы у висков ещё не исчезли, но взгляд был живой. Он шёл медленно, опираясь на руку жены, и никто в комнате не посмел предложить ему трон.

Хороший знак.

— Хозяйка Глухолесья, — сказал он.

Голос был хриплым, но своим.

— Ева, — поправила я. — Сейчас лучше проще.

Император посмотрел на меня с неожиданной благодарностью.

— Ева. Империя обязана вам жизнью.

— Империи придётся долго лечиться. Благодарность по-

том.

Аделаида тихо улыбнулась.

— Я предупреждала, что она так ответит.

Валериан кивнул.

— Поэтому я пришёл не только благодарить.

Он достал сложенный лист.

Без печати.

Обычная бумага.

Я оценила.

— Первый указ новой канцелярии, — сказал император.

— Все печати власти временно изымаются до проверки. Все приказы, отправленные за последние трое суток, считаются недействительными до подтверждения живым голосом. Дракониным домам предписано открыть архивы заражённых артефактов.

Рейнар медленно выдохнул.

— Дома взбунтуются.

— Пусть, — сказал Валериан. — Я пять лет был пленником собственной короны. Больше не намерен делать вид, что золото не гниёт.

Да, подумала я. Пациент на троне пришёл в сознание.

Но впереди была реабилитация.

Очень долгая.

— И ещё, — сказал император. — Я прошу вас возглавить расследование Чёрной Короны.

Я закрыла глаза.

Северин рядом напрягся.

Рейнар тоже.

Аделаида смотрела на меня без давления. Скорее с пониманием: она знала, что просит слишком много.

— Нет, — сказала я.

Император замер.

Рейнар едва заметно поднял брови.

Северин посмотрел на меня внимательно.

— Я не возглавляю имперское расследование, — продолжила я. — Не стану чиновником, символом, знаменем и удобной женщиной, которую можно выставить перед толпой, когда всем страшно. Я могу помогать. Могу искать очаги. Могу говорить, где болезнь, где ложь, где опасность. Но Глухолесье — мой дом. И я не отдам его второй раз власти, даже благодарной.

Валериан долго молчал.

Потом склонил голову.

— Справедливо.

Вот это удивило.

Он не спорил.

Не приказал.

Просто принял границу.

Аделаида посмотрела на него с тихим одобрением.

— Тогда, — сказал император, — не возглавить. Пойти как независимая хранительница Глухолесья. С правом отказа от любого приказа короны.

— Лучше.

— И с сопровождением по вашему выбору.

Северин сразу сказал:

— Я иду.

Рейнар добавил:

— Я тоже.

Они произнесли это одновременно.

Посмотрели друг на друга.

И впервые в этой синхронности было не соперничество, а почти привычка.

Я устало потеряла лоб.

— Мне кажется, у меня когда-то была спокойная жизнь.

— Была? — спросил Северин.

— Не уверена. Возможно, я её придумала.

Рейнар тихо сказал:

— Вам нужно вернуться в Глухолесье перед дорогой.

Я удивлённо посмотрела на него.

Он продолжил:

— Дом, дети, заставы, Арвенн. Вы не уйдёте на север, пока не убедитесь, что там всё держится. Иначе будете думать только об этом.

Я молчала.

Потому что он был прав.

И потому что сказал это не как человек, который хочет мной управлять, а как человек, который наконец научился смотреть.

— Да, — сказала я. — Сначала домой.

Император кивнул.

— Ильтар доставит вас, когда сможет.

— Ильтару нужен покой.

— Он уже передал, что полетит.

— Все драконы одинаковые?

Рейнар почти улыбнулся.

— Худшие из нас ещё и спорят.

— Заметно.

За окном колокола стихли.

Столица впервые за утро осталась без звона.

И в этой тишине за северным горизонтом поднялась тонкая чёрная линия.

Очень далеко.

Почти незаметно.

Но я увидела.

Северин тоже.

Рейнар подошёл к окну.

Император побледнел.

Аделаида прошептала:

— Хребет.

Чёрная линия дрогнула и распалась на семь точек.

Семь птиц.

Или мотыльков.

Их было слишком далеко, чтобы разглядеть.

Но я уже знала: каждая несёт письмо. Или приказ. Или

память.

Каждая может стать очагом.

Я сжала в ладони деревянную птичку Данко.

Маленькая, тёплая, живая.

— Сначала Глухолесье, — сказала я. — Потом север.

Северин встал рядом.

— Рядом.

Рейнар — чуть дальше, но тоже рядом.

— Полезным, если позволите.

Я посмотрела на них обоих.

На принца без трона.

На дракона без прежней гордости.

На императора без короны.

На императрицу, вернувшуюся из небытия.

И на север, где просыпалась старая Чёрная Корона.

— Тогда начинаем вторую историю, — сказала я.

За горизонтом одна из чёрных точек вспыхнула.

И в воздухе, едва слышно, будто из другого мира, прозвучал смех Летиции:

— Поздно, хозяйка. Первое письмо уже прочитали.

Глава 2. Письмо, которое уже прочитали

Смех Летиции растворился в воздухе, но после него стало холоднее.

Я стояла у окна северной часовни, сжимая деревянную птичку Данко так крепко, что её крылышко больно впилося в ладонь. За горизонтом дрожали семь чёрных точек. Семь писем. Семь возможных очагов. Семь мест, где кто-то уже мог открыть конверт, увидеть знакомую печать, прочитать красивые слова — и впустить в себя чужую тьму, даже не поняв, что сделал.

Первое письмо уже прочитали.

Летиция сказала это с удовольствием.

Значит, знала, куда оно попало.

— Нужно выяснить, где, — произнёс император Валериан.

Он стоял у окна рядом с Аделаидой. Без короны, в простой тёмной одежде, он выглядел не владыкой огромной империи, а тяжело больным человеком, которому только что вернули сердце и сразу сообщили, что болезнь дала метастазы.

На его висках ещё оставались тонкие чёрные следы. Они не пульсировали, но я всё равно смотрела на них чаще, чем

было вежливо.

Привычка.

Чужая слабость всегда цепляет взгляд быстрее, чем титулы.

— Куда уходили птицы? — спросила я.

Рейнар подошёл к столу, где лежала карта Веларии. Двигался медленнее, чем хотел показать. Он думал, что скрывает боль. Получалось плохо. Когда дракон старается казаться несокрушимым, а сам держит дыхание на каждом третьем шаге, это бросается в глаза даже тем, кто не привык наблюдать людей.

— Север, восточные провинции, порт Лаверн, два драконьих дома и земли за Чёрным хребтом, — сказал он. — Но Летиция сказала “первое письмо”. Возможно, речь не о первом по времени отправки, а о первом, которое должно было сработать.

Северин наклонился над картой.

— Тогда север.

Рейнар посмотрел на него.

— Почему такая уверенность?

— Потому что Эдварду нужен не хаос сам по себе. Ему нужна память Чёрной Короны. Остальные письма могут отвлекать, заражать, разрывать дома изнутри. Но главное — обитель за хребтом.

Я провела пальцем по карте.

Чёрный хребет отделял северные земли от старых мона-

стырей и снежных перевалов. На пергаменте там было мало подробностей: горы, редкие дороги, отметка “зимние тракты опасны”, несколько сторожевых крепостей и маленький знак в виде короны, перечёркнутой линией.

Обитель Чёрной Короны.

Даже нарисованная чернилами, она выглядела неприятно.

— Кто мог прочитать письмо там? — спросила я.

Северин ответил не сразу.

И это мне не понравилось.

— Хранители обители, — сказал он наконец. — Они называли себя молчальниками. Люди, которые отказывались от имени, рода и прошлого, чтобы сторожить память о первой гнили.

— Отказывались от имени? — переспросила я.

После всего, что мы пережили с именами детей, застав и стражей, такая традиция звучала как добровольная катастрофа.

— Они считали, что личное делает человека уязвимым, — объяснил Северин. — Боль, любовь, вина, обида. Всё, через что Чёрная Корона может говорить.

— А получилось наоборот, — сказала я тихо.

Он посмотрел на меня.

— Да. Если человек сам вырезал своё имя, тьме проще вложить в пустое место чужой голос.

Аделаида закрыла глаза.

— Мы думали, обитель давно запечатана.

Император тяжело сел в кресло.

— Я тоже так думал. Пять лет назад мне докладывали, что северные монастыри находятся под наблюдением короны. Видимо, доклады писал тот, кто уже служил гнили.

В его голосе появилась горечь.

Такая живая, человеческая, что мне стало его жалко. Всего на секунду. Потом я вспомнила, что жалость к человеку на троне — опасная вещь. Можно пожалеть так сильно, что снова позволишь власти спрятаться за болезнью.

— Вам нужен регентский совет, — сказала я.

Валериан поднял глаза.

— Уже отдаёте распоряжения императору?

— Нет. Предлагаю костыли пациенту, который хочет сразу бежать марафон.

Аделаида тихо усмехнулась.

— Грубовато, но верно.

Император устало потёр лицо.

— Если я отойду от управления сейчас, двор решит, что я сломлен.

— Если вы начнёте управлять без восстановления, двор решит то же самое, только позже и с худшими последствиями.

Он посмотрел на меня долго. Не обиженно. Скорее удивлённо — будто отвык слышать прямые слова без придворной обёртки.

— Вы всегда говорите так с правителями?

— Я раньше с правителями почти не общалась.

— И как вам?

— Честно?

— После пережитого — желательно.

— Сложно. Вы много усложняете.

Северин отвернулся к окну, но я заметила, как дрогнули его плечи.

Рейнар смотрел в карту с таким видом, будто тоже пытается не улыбнуться.

Император кивнул.

— Приму к сведению.

— Начните с малого. Не надевайте корону. Не прикасайтесь к старым печатям. Все приказы — простым письмом и живым голосом через доверенных людей. Аделаида должна быть рядом не как украшение трона, а как второй свидетель вашего состояния.

Императрица посмотрела на мужа.

В её взгляде было столько боли за прожитые пять лет, что в комнате на мгновение стало тесно от невысказанного.

— Я буду рядом, — сказала она. — Но больше не в тени.

Валериан взял её руку.

Очень осторожно. Так, будто боялся: она исчезнет, если сжать сильнее.

— Я не имею права просить.

— Ты уже не просишь, — ответила она. — И это начало.

Я отвела взгляд.

Некоторые чужие разговоры слишком личные, даже когда решают судьбу империи.

Северин тихо сказал:

— Нам пора.

Он говорил спокойно, но я слышала в этом “пора” другое. Ему тяжело находиться во дворце. Тяжело стоять рядом с императором, рядом с картами, приказами, печатями, стенами, которые веками стирали Арвенн из памяти. И всё же он стоял. Ради дела. Ради меня? Нет. Не только. Но и это тоже.

Я старалась не думать об этом слишком долго.

— Сначала Глухолесье, — сказала я. — Нужно понять, что изменилось после очищения сердца Арвенна.

— И поспать, — добавил Северин.

Я посмотрела на него.

— Ты стал предсказуем.

— Хорошо.

— Это не похвала.

— Я решил воспринимать как похвалу всё, что не звучит как назначение.

Рейнар тихо произнёс:

— Смелая стратегия.

— Вам, герцог, — сказала я, — тоже нужен покой.

— Я лечу с вами.

— Летите. Но в горизонтальном положении, если Ильтар позволит.

— Боюсь, Ильтар воспримет это как оскорбление.

— Ильтар сейчас сам должен лежать.

— Попробуйте ему объяснить.

— Объясню.

Оба мужчины переглянулись.

И впервые в этом взгляде не было вызова. Было что-то вроде общего предчувствия: раненый дракон, упрямая женщина и слишком длинная дорога обязательно закончатся спором.

Император поднялся.

— Я дам вам сопровождение.

— Не нужно.

— Это не попытка контролировать.

— Знаю. Но любой официальный отряд привлечёт внимание. Сейчас нам лучше добраться до Глухолесья тихо.

Аделаида подошла ко мне и сняла с шеи тонкий серый шнурок с маленьким медальоном. Внутри медальона не было камня — только крошечная капля прозрачной воды, замершая под стеклом.

— Возьмите.

— Что это?

— Слеза северного источника. Не живая вода. Память воды. Если обитель попытается лишить вас имени, она поможет удержать себя.

Я осторожно приняла медальон.

Он был холодным.

— Почему у вас это?

Аделаида улыбнулась без радости.

— Я много лет была женщиной, которую официально похоронили. Чтобы не исчезнуть окончательно, пришлось научиться хранить своё имя в мелочах.

Я надела шнурок.

— Спасибо.

Она сжала мои пальцы.

— Там, на севере, вам будут говорить, что боль делает вас избранной. Не верьте. Боль делает человека раненым. Всё остальное — выбор.

Я кивнула.

Эти слова стоило запомнить.

Не как красивую фразу.

Как средство защиты.

Ильтар встретил нас у разрушенной крыши часовни крайне недовольным взглядом.

Алана, которую Орвальд успел отправить к столице вместе с частью санитарного отряда, стояла рядом с ним и выглядела так, будто уже полчаса спорила с горой, покрытой чешуёй.

— Он хочет лететь, — сообщила она.

— Конечно хочет, — сказала я. — Он же огромный пациент с крыльями и завышенной самооценкой.

Ильтар фыркнул.

Рейнар перевёл после паузы:

— Он говорит, что у него нормальная самооценка для су-

щества, способного сжечь башню.

— Пусть сначала не порвёт шов.

Алана протянула мне свежую повязку.

— Я укрепила рану. Но долго он не выдержит. До Глухолься — да. На север — точно нет.

— На север сразу не летим.

Ильтар повернул голову.

В его золотом глазу мелькнуло почти человеческое подозрение.

— Сначала домой, — сказала я ему. — Потом решим, кто куда летит, ползёт или остаётся лежать.

Он глухо рыкнул.

— Он спрашивает, вы всегда обещаете отдых, а потом отменяете, — перевёл Рейнар.

Северин ответил вместо меня:

— Да.

— Не помогай, — сказала я.

— Я честен с драконом.

Подъём на Ильтара дался тяжелее, чем утром. Тогда нас гнал колокол, страх и почти безумная спешка. Теперь, когда самый острый приступ миновал, тело решило предъявить полный список претензий.

Рёбра болели. Ладони жгло. Голова кружилась так, что крыша часовни под ногами казалась палубой.

Северин заметил.

Разумеется.

Он ничего не сказал, просто поднялся следом и посадил меня так, чтобы я могла опереться на него в полёте. Не подчёркнул. Не спросил. Не превратил в сцену.

Я была ему за это благодарна больше, чем готова признать.

Рейнар устроился впереди, рядом с основанием шеи Ильтара. Он тоже едва держался, но делал вид, что всё терпимо. Я уже собиралась сказать ему пару ласковых, когда он вдруг произнёс:

— Боль сильная. Жар умеренный. Голосов нет. Пламя ровное.

Я закрыла рот.

Потом открыла.

— Хорошо.

Он чуть повернул голову.

— Я решил сэкономить вам силы.

— Вы опасно близки к статусу удобного пациента.

— Не говорите так. Репутация пострадает.

Ильтар взлетел мягче, чем в прошлый раз.

Столица уходила вниз. Золотой купол больше не сиял сплошной властью. В нём появились разомкнутые участки, через которые проходил обычный свет. Люди на улицах выглядели крошечными, растерянными, но живыми.

Я смотрела на дворец, пока он не стал похож на игрушку.

Где-то там император без короны учился снова быть человеком. Императрица, которую пять лет считали мёртвой,

возвращалась в мир. Канцелярия расползалась от страха, как муравейник после дождя. Власть впервые за долгое время увидела собственную болезнь в зеркале.

Этого было мало.

Но это было начало.

Полет прошёл в молчании.

Не тяжёлом. Скорее бережном.

Северин держал меня за пояс, когда Ильтар входил в повороты. Рейнар иногда говорил с драконом короткими фразами. Ветер вырывал мысли, и мне впервые за много дней удалось просто смотреть вниз: на реки, леса, поля, дороги, где пока ещё не знали о Чёрной Короне.

Иногда незнание кажется миром.

Потом на горизонте поднялось Глухолесье.

И я поняла, как сильно боялась за него.

Лес больше не выглядел сплошной чёрной стеной. Над ним поднимался туман, но в тумане светились зелёные линии — дороги между заставами, усадьбой и проснувшимся Арвенном. На востоке, там, где раньше висела тьма мёртвого города, теперь мерцал слабый серебристый купол.

Сердце держалось.

Я выдохнула.

Северин услышал.

— Дом, — сказал он тихо.

Я не стала поправлять.

Да. Дом.

Ильтар снизился у Корневых ворот. На этот раз лагерь армии за границей выглядел почти организованно: карантинные зоны, отдельные палатки для контактных, ямы для печатей, дежурные у воды. Генерал Орвальд стоял у ворот и говорил с Прохором через щель.

Прохор держал в руках котелок.

Конечно.

Когда Ильтар приземлился, Прохор чуть не выронил бульон.

— Госпожа! Вернулись!

Лина выскочила из-за ворот первой, хотя должна была быть в усадьбе. За ней — Мира, Данко и Матвей, уже без повязки на половине древесной руки. Рука выглядела лучше: кора потемнела меньше, между трещинами пробивались мелкие листочки.

— Вы обещали отдыхать, — сказала Лина, уперев руки в бока.

— Я обещала вернуться.

— Это разные вещи.

— Да. И я выполнила одну из двух.

— Плохо.

— Строгий представитель Первой заставы, — пробормотал Рейнар.

Лина посмотрела на него снизу вверх.

— А вы опять плохо выглядите.

— Мне уже сообщили.

— Значит, ложитесь.

Рейнар открыл рот.

Закрыл.

Я испытала почти гордость.

— Лина, хотите должность младшего контролёра пациентов?

— Хочу старшего.

— Обсудим после испытательного срока.

Северин помог мне спуститься. Ноги коснулись земли, и Глухолесье ответило мягким толчком под подошвами. Не болью. Приветствием.

Но следом пришло другое.

Тонкий холод по спине.

Где-то в сети живых дрогнула нить.

Я резко повернулась к Матвею.

— Что случилось?

Улыбка исчезла с его лица.

— Мы ждали, пока вы сами почувствуете.

— Что?

Он протянул мне лист.

Простой. Белый. Без печати.

На нём было всего несколько строк, написанных чёрными чернилами.

Хозяйке Глухолесья.

Ваша победа признана.

Ваши методы изучены.

Если хотите спасти первое письмо — приходите на север до новой луны.

Иначе имя, которое оно забрало, станет первым голосом Чёрной Короны.

Подписи не было.

Только маленький рисунок.

Мотылёк с короной на крыльях.

Я перечитала дважды.

— Где нашли?

Матвей кивнул на Первую заставу вдалеке.

— Утром. На двери башни. Лина первая увидела.

Лина больше не выглядела сердитой.

Она выглядела испуганной.

— Там ещё было имя, — сказала девочка тихо.

Я подняла взгляд.

— Какое?

Мира прижала Данко к себе.

Матвей ответил за них:

— На обратной стороне. Оно появилось, когда лист коснулся воды.

Он перевернул письмо.

На обороте дрожали бледные буквы.

Северин Арвенн.

Воздух исчез.

Я посмотрела на Северина.

Он стоял неподвижно.

Слишком спокойно.

Только лицо стало белым.

Рейнар шагнул ближе.

— Письмо прочитали не в обители.

Северин сжал кулаки.

— Его прочитали моей кровью.

Глухолесье зашептало.

Далеко на севере, за хребтом, что-то ответило низким,
чёрным звоном.

И я поняла: вторая книга не будет дорогой к болезни.

Болезнь уже протянула руку к нам.

К нему.

К человеку, который выбрал идти рядом.

Глава 3. Имя, которое позвали с севера

На обороте письма светилось имя.

Северин Арвенн.

Буквы были бледными, словно их вывели не чернилами, а дыханием на замёрзшем стекле. Они дрожали, расплывались, собирались снова. Живое имя сопротивлялось чужой руке.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается злость.

Тихая.

Холодная.

Уже без паники.

Сначала они брали артефакты. Потом печати. Потом корону. Теперь тянулись к имени человека, который и так всю жизнь был превращён в легенду, угрозу, наследника, удобный символ для чужих страхов.

Северин стоял рядом с Корневыми воротами и молчал.

Он умел молчать так, что вокруг становилось тесно. Но сейчас это была другая тишина. В ней не было привычной мрачной насмешки, защиты, колючей стены.

Только удар.

Он смотрел на своё имя на письме, как человек смотрит

на вскрытую рану и пока ещё не чувствует боли, потому что тело от шока молчит.

— Север, — сказала я.

Он моргнул.

Медленно.

Будто возвращался издалека.

— Это ловушка, — произнёс Рейнар.

Голос его был глухим. Он стоял чуть позади, всё ещё бледный после полёта, но в глазах уже горело драконье напряжение. Рейнар понимал угрозы власти быстрее, чем угрозы сердца. В этом у него была богатая практика.

— Конечно, ловушка, — ответил Северин.

Слишком ровно.

Мне это совсем не понравилось.

Лина, которая до этого держалась удивительно храбро, вдруг шагнула ко мне ближе. Маленькая рука нашла мою ладонь. Пальцы холодные. Кукла прижата к груди.

— Они могут забрать имя? — спросила она.

Никто не ответил сразу.

Данко шепнул:

— Башня говорила, что имя — это дверь.

Мира обняла его за плечи.

Матвей тяжело опёрся на посох. Листочки на его древесной руке чуть дрогнули.

— В старых книгах сказано: Чёрная Корона не крадёт имя как вещь. Она делает хуже. Заставляет человека самому от

него отказаться.

— Как? — спросила я.

Матвей посмотрел на Северина.

— Через боль. Через память. Через желание стать тем, кого от тебя ждут.

Северин усмехнулся.

Коротко.

Почти беззвучно.

— Значит, письмо выбрало правильную цель.

Я повернулась к нему резче, чем стоило.

— Не говори так.

Он посмотрел на меня.

В его глазах была усталость, такая глубокая, что на миг я увидела не мужчину у ворот, а мальчика, которому слишком рано объяснили: его кровь — не жизнь, а обязанность.

— Это правда, Ева.

— Правда — это что тебя зовут Северин. Всё остальное вокруг имени навесили другие.

— Иногда то, что навесили другие, держится крепче кожи.

Я хотела ответить резко. Привычно. Чем-то, что разрезает страх пополам и заставляет всех двигаться дальше.

Но слова из комментариев подписчиков вдруг будто прозвучали у меня в голове: слишком рубит, слишком отрезает, слишком мало чувствует.

А Северин сейчас стоял передо мной не как задача.

Как человек.

Я выдохнула медленнее.

— Тогда будем снимать осторожно, — сказала я. — Слой за слоем.

Он отвёл взгляд первым.

Рейнар смотрел на нас с выражением, которое трудно было назвать. Там была ревность, но уже тихая. Признанная. Не имеющая права на голос. И ещё там было понимание, которое пришло к нему слишком поздно, но всё же пришло.

— Письмо надо изолировать, — сказал он.

— Уже, — отозвалась Лина.

Все посмотрели на неё.

Она тут же выпрямилась.

— Башня велела положить его в стекло. Я положила. Потом оно всё равно написало имя.

Матвей кивнул.

— Значит, связь идёт не через бумагу. Через кровь или память.

Ильтар, лежащий у ворот, низко рыкнул. Раненый дракон наблюдал за нами золотым глазом. Алана, стоявшая у его крыла, нахмурилась.

— Он чувствует зов с севера, — перевёл Рейнар.

— Сильный?

Рейнар прислушался к словам дракона.

— Пока слабый. Как запах дыма до пожара.

Прекрасно.

Пожар на горизонте, а у нас половина команды держится на бинтах, упрямстве и бульоне Прохора.

— Дом, — сказала я, хотя усадьба была дальше, за линией деревьев. — Нам нужна карта.

Глухолесье ответило сразу.

Земля у ворот дрогнула. Корни поднялись, переплелись, образуя плоский круг. По нему проступили линии: усадьба, Первая застава, Серая, Чёрная, проснувшийся Арвенн, Корневые ворота, столица, Чёрный хребет. А за хребтом — тёмная отметка обители.

Между отметкой и именем Северина на письме протянулась тонкая чёрная нить.

Лина всхлипнула.

— Она растёт.

Так и было.

Нить медленно утолщалась. Очень медленно, но верно. Словно кто-то на севере тянул её к себе, виток за витком.

— Сколько времени? — спросил Рейнар.

Матвей покачал головой.

— До новой луны три ночи.

— Значит, письмо дало срок, — сказала я. — Три ночи до того, как оно сможет использовать имя полностью.

Северин опустил на одно колено перед корневой картой и коснулся чёрной нити пальцем.

Она тут же ожила.

По его руке пробежала тёмная тень.

Я схватила его за запястье.

— Зачем?

— Проверял.

— Руками?

— Другого инструмента под рукой не было.

— Есть голова. Правда, иногда спорно.

Он почти улыбнулся.

Почти.

Этого хватило, чтобы я смогла вдохнуть чуть легче.

На его запястье проступил тонкий чёрный след, похожий на нитку под кожей. Я провела по нему пальцем. След был холодным.

Северин смотрел на мою руку.

Молча.

Я чувствовала это. Слишком остро.

— Болит? — спросила я тише.

— Нет.

— Только честно.

Он помолчал.

— Тянет.

— Куда?

— На север.

Лина прижала куклу к лицу.

Мира крепче обняла Данко.

Рейнар сделал шаг, но остановился, словно сам себя удержал.

— Насколько сильно? — спросил он.

Северин поднялся.

— Пока можно терпеть.

— Это плохое слово, — сказала я.

Он посмотрел на меня с чуть заметной теплотой.

— Знаю.

Вот так.

Он слушал.

Даже сейчас.

Я сглотнула ком в горле и повернулась к карте.

— Нам нужны три вещи. Первое — понять, как защитить имя Северина до дороги. Второе — выяснить, кто прочитал письмо. Третье — решить, кто идёт на север.

— Я иду, — сказал Северин.

— Это даже не обсуждается.

Он удивлённо поднял бровь.

— Я ждал спора.

— Был бы смысл, поспорила бы. Но зов уже связан с тобой. Если оставить тебя здесь, север будет тянуть сильнее. Лучше идти туда осознанно, с защитой и людьми рядом.

Рейнар тихо произнёс:

— Разумно.

Я посмотрела на него.

— Вы тоже хотите сказать “я иду”?

— Хочу.

— И скажете?

Он помолчал.

— Спрошу.

Это было настолько неожиданно, что я даже моргнула.

— Что?

Рейнар встретил мой взгляд спокойно.

— Я хочу идти. Мой опыт с заражёнными артефактами и драконьей кровью может пригодиться. Но если вы сочтёте, что моё состояние делает меня обузой, я останусь и помогу здесь.

Тишина.

Даже Ильтар поднял голову.

Северин медленно повернулся к нему.

— Кто вы и что сделали с герцогом Астерхольдом?

Рейнар устало усмехнулся.

— Он пару раз чуть не умер и начал ценить практичность.

Я смотрела на него и вдруг чувствовала не прежнюю колючую злость, а сложную, почти болезненную благодарность. За то, что он учился. За то, что не ломился силой туда, где раньше считал себя вправе быть первым. За то, что теперь не требовал места рядом, а просил его заслужить.

Это не отменяло прошлого.

Но настоящее становилось честнее.

— Вы идёте, — сказала я. — Но с ограничениями. Без самостоятельных решений с огнём. Без попыток доказать, что вы уже здоровы. При усилении гнили — сразу говорите.

— Согласен.

— И никаких “терпимо”.

Он чуть склонил голову.

— Боль, жар, голоса, тяга к обращению. Буду докладывать.

Лина шепнула Мире:

— Он дрессируется.

Рейнар услышал.

— Я предпочёл бы слово “обучается”.

— Дрессируется быстрее, — ответила Лина.

Ильтар издал звук, подозрительно похожий на смех.

В этот короткий миг напряжение отпустило нас. Не полностью, но достаточно, чтобы люди снова стали людьми, а не фигурами на карте катастрофы.

Потом корневая карта потемнела.

Чёрная нить дёрнулась.

Северин резко схватился за грудь.

Я оказалась рядом почти сразу.

— Что?

Он не ответил.

Глаза его на миг стали пустыми.

Далёкими.

И он произнёс чужим голосом:

— Имя найдено. Кровь откликнулась. Наследник услышит.

Лина вскрикнула.

Рейнар поднял руку, но я качнула головой.

— Северин.

Он не моргнул.

Чёрная нить на запястье стала ярче.

Я взяла его лицо в ладони и заставила смотреть на меня.

— Северин. Ты здесь. У Корневых ворот. Лина спорит с тобой, Ильтар смеётся, Рейнар пытается стать приличным пациентом, и я очень злюсь, потому что ты снова трогаешь руками неизвестную гадость.

Его зрачки дрогнули.

— Ева...

— Да. Смотри на меня.

Он вдохнул резко, как после ледяной воды.

Потом согнулся, упираясь ладонью в землю.

Я держала его за плечо.

Никто не сказал ни слова.

Даже Рейнар.

Чёрная нить на запястье стала тоньше, но осталась.

— Это было первое касание, — сказал Матвей.

— И будет ещё? — спросила Мира.

Старый управляющий посмотрел на север.

— Да.

Я помогла Северину выпрямиться. Он выглядел потрясённым, хотя сразу попытался спрятать это за привычной сдержанностью.

— Даже не пытайся, — сказала я тихо.

— Что?

— Делать вид, что всё под контролем.

Он закрыл глаза.

И вдруг просто опустил лоб мне на плечо.

На секунду.

Всего на одну короткую, неловкую, абсолютно честную секунду.

Я замерла.

Рядом стояли дети, Рейнар, Матвей, раненый дракон, лес и целая империя проблем. Но в эту секунду всё сузилось до его тяжёлого дыхания у моего плеча и моей ладони на его спине.

— Я здесь, — сказала я.

Глупые слова.

Простые.

Но иногда простого хватает, чтобы человек удержался.

Северин отстранился первым.

— Прости.

— За что?

— За слабость.

Я посмотрела на него так, что он сам понял.

— Ладно, — сказал он. — Неверное слово.

— Очень.

Рейнар тихо произнёс:

— На севере будут бить именно туда.

Мы повернулись к нему.

Он смотрел на Северина без насмешки.

— Не в тело. В стыд. В долг. В желание быть нужным мёртвым. Я знаю этот крючок. Летиция держала меня на по-хожем.

Северин кивнул после паузы.

— Тогда говори, если заметишь.

Рейнар принял это серьёзно.

— Скажу.

И в этот момент между ними возникло что-то новое. Ещё не дружба. До неё было далеко. Но уже союз, построенный не на удобстве, а на признанной слабости.

Корневая карта снова ожила.

На ней от обители Чёрной Короны вдруг отделилась маленькая тёмная точка и двинулась к югу.

Потом вторая.

Третья.

Матвей побледнел.

— Они идут не только ждать нас.

— Кто? — спросила я.

Ответ пришёл с севера.

Через карту.

Через письмо.

Через имя на обороте.

Голос был мягкий, мужской, спокойный до ужаса:

— Мы — те, кто прочитал первое письмо. Мы идём вернуть наследнику его корону.

Северин медленно выпрямился.

Я взяла его за руку прежде, чем чёрная нить снова вспыхнула.

— Нет, — сказала я в сторону карты. — Он уже выбрал.
Голос ответил почти ласково:

— Выбор, сделанный без памяти, силы не имеет. Мы вернём ему всё, что у него украли.

— И заберёте то, что осталось?

Тихий смех.

— Хозяйка леса понимает быстрее, чем говорили.

Письмо на земле почернело.

Корни вокруг него сомкнулись, но поздно. На белой бумаге проступила новая строка:

До новой луны наследник сам назовёт себя королём.

Северин сжал мою руку.

Сильно.

Уже не из слабости.

Из борьбы.

Я ответила таким же нажатием.

— Значит, — сказала я, глядя на северную отметку, — у нас три дня, чтобы научить Чёрную Корону слышать слово “нет”.

Лина подняла куклу.

— И слово “полежите”.

Рейнар кашлянул, скрывая улыбку.

Ильтар фыркнул.

Даже Северин на миг закрыл глаза, будто это смешное дет-

ское замечание удержало его крепче всех клятв.

Но север уже двигался к нам.

И где-то за хребтом люди без имён шли по снегу, неся корону для человека, который выбрал жить без неё.

Глава 4. Люди без имён

К вечеру Глухолесье стало тише.

Так бывает перед снегом, хотя снега ещё не было. Воздух густел, ветви переставали шептать, птицы прятались глубже в кроны. Даже Корневые ворота, обычно тёплые и живые, стояли настороженно, словно прислушивались к далёким шагам за Чёрным хребтом.

Север шёл к нам.

Пока лишь точками на карте. Пока лишь нитями в чужом письме. Пока лишь холодом на запястье Северина, где чёрная линия то исчезала, то возвращалась.

Но я уже чувствовала: времени стало меньше.

Три дня до новой луны.

Три дня, за которые Чёрная Корона обещала заставить Северина назвать себя королём.

Самое страшное — не угроза.

Самое страшное — слово “сам”.

Можно защитить человека от ножа. Можно поставить стену между ним и врагом. Можно спрятать письмо, сжечь печать, закрыть дверь.

А как защитить от мысли, которую враг вложит так осторожно, что она покажется собственной?

Я сидела в холле усадьбы за большим столом, где за последние сутки сменилось больше карт, списков и повязок,

чем в иной канцелярии за год.

Передо мной лежали три вещи.

Письмо с именем Северина.

Деревянная птичка Данко.

И медальон Аделаиды с памятью северного источника.

Серебристая капля под стеклом была холодной. Когда я касалась её, в груди становилось легче, будто кто-то открывал окно в душевной комнате.

Северин стоял у фонтана и смотрел на карту.

Слишком долго.

Рейнар сидел на скамье рядом с Ильтаром, точнее с отражением Ильтара в воде: раненый дракон остался у ворот, но связь с ним держалась. Герцог выглядел усталым, зато упрямство в нём снова крепло. Хороший признак и плохой одновременно.

Матвей перебирал старые книги Арвенна. Лина устроилась рядом и делала вид, что помогает, хотя по факту командовала страницами:

— Эту уже смотрели. Эта скучная. Тут пятно похоже на козу. А вот тут написано про имена!

Матвей осторожно забрал у неё книгу.

— Это не про имена. Это список налогов.

— Ещё хуже, — сказала Лина и с достоинством отодвинула книгу.

Мира и Данко сидели у окна. Данко вырезал новую деревянную птицу — “на случай, если старая понадобится долъ-

ше”. Мира тихо напевала ему под нос песню Первой заставы. После истории с башней она часто пела. Будто проверяла: голос всё ещё принадлежит ей.

Я слушала их и думала, что вот ради этого всё и держится. Не ради императоров, корон, древних судов и великих клятв.

Ради девочки, которая снова поёт.

Ради мальчика, который строгаёт птицу.

Ради старика с древесной рукой, спорящего с ребёнком о налоговых книгах.

Ради Северина, который стоит у карты и делает вид, что чужой зов на него не действует.

— Ты опять ушёл далеко, — сказала я.

Он повернул голову.

— Я здесь.

— Телом — да.

Северин помолчал, потом подошёл к столу.

Сегодня он был особенно собран. Спина прямая, лицо спокойное, движения точные. Слишком точные. Так человек держит себя, когда внутри всё натянуто до звона.

Он сел напротив.

— Я слышал голос.

В комнате сразу стало тихо.

Лина захлопнула книгу.

Рейнар поднял голову.

Матвей замер.

— Когда? — спросила я.

— Пока ты смотрела письмо. Недолго.

— Что говорил?

Северин опустил взгляд на свои руки.

— Не приказ. Не угрозу. Воспоминание.

— Чьё?

— Моё. Или почти моё.

Он провёл пальцем по краю стола.

— Я видел себя ребёнком. Зима. Маленький дом у границы. Мать зашивает мой плащ, отец говорит с кем-то за дверью. Я слышу слово “наследник” и думаю, что это болезнь. Потому что всякий раз после этого мать плачет.

Он говорил ровно, но каждое слово будто оставляло след на дереве.

— Потом голос сказал: “Тебя прятали, потому что боялись твоей силы. Тебя лишили трона. Тебя сделали сиротой. Возьми обратно то, что украли”.

Лина шмыгнула носом.

Рейнар тихо сказал:

— Это похоже на правду.

— Да, — ответил Северин. — Поэтому опасно.

Я посмотрела на него.

Вот почему Чёрная Корона была страшнее гнили в артефактах. Та лгала через симптомы. Эта говорила правду, но поворачивала её как нож.

— Что ты почувствовал? — спросила я.

Он чуть усмехнулся.

— Ты спрашиваешь как человек, который уже знает, что ответ важнее факта.

— Возможно.

— Злость, — сказал Северин. — Сначала злость. Потом... облегчение.

Он поднял глаза.

— Вот это хуже всего. На миг стало легче думать, что всё можно объяснить одним словом: украли. Если украли, значит, достаточно забрать. Если виноваты они, значит, мне не нужно решать, кем быть. Нужно только вернуть должное.

В комнате стояла тяжёлая тишина.

Рейнар смотрел на него внимательно. Без насмешки. Видимо, узнавал знакомый крючок.

— Летиция делала так же, — сказал он наконец. — Только мягче. Она находила боль и давала ей красивую причину. “Ты устал быть слабым”. “Ты заслужил сильную жену”. “Твой род важнее одной женщины”. Удобная ложь редко начинается с лжи. Чаще с половины правды.

Северин кивнул.

— Теперь она пришла ко мне.

Я взяла медальон Аделаиды и положила между нами.

— Значит, делаем якорь.

Матвей поднялся.

— Оберег имени?

— Скорее напоминание. Северин должен иметь что-то,

что будет возвращать его к себе, когда голос начнёт звучать как собственная мысль.

— Имя уже на письме, — сказала Лина. — Может, написать его правильно?

Я посмотрела на неё.

— Что значит правильно?

Девочка пожала плечами.

— Там написано только “Северин Арвенн”. А он же ещё много кто. Мрачный. Спорит. Носит сумки. Плохо улыбается. Стоит рядом. Значит, имя короткое.

Северин застыл.

Рейнар медленно отвернулся к фонтану, словно решил дать нам чуть больше пространства.

А я вдруг поняла: ребёнок снова сказала главное.

Чёрная Корона тянулась к титулу. К крови. К фамилии. К тому, что можно использовать как дверь.

Нужно было расширить имя до живого человека.

— Лина права, — сказала я.

Она просияла.

— Я часто права.

— Не привыкай.

— Поздно.

Я взяла чистый лист. Обычный. Без печати. Без магического знака. Просто бумага, которую Прохор принёс из кладовой вместе с бульоном и почему-то сухарями.

— Будем писать полное имя, — сказала я. — Не родовое.

Живое.

Северин смотрел на лист так, будто тот мог оказаться опаснее письма с севера.

— Что писать?

— То, что выбираешь сам. И то, чем тебя держат живые.

Первой заговорила Лина:

— Северин, который не ушёл вперёд один.

Мира тихо добавила:

— Северин, который вытащил детей из башни.

Данко поднял глаза от своей птицы:

— Северин, который не стал королём, когда мог.

Матвей сказал:

— Северин, наследник Арвенна, который выбрал город без трона.

Рейнар помолчал.

Потом произнёс:

— Северин, мой враг, которому я доверяю спину у общего очага.

Северин резко посмотрел на него.

— Слишком торжественно?

— Слишком неожиданно, — ответил Северин.

Рейнар чуть склонил голову.

— Тогда запиши короче: Северин, который раздражает, но нужен.

Лина захихикала.

И напряжение в комнате чуть ослабло.

Я держала перо над листом.

Северин смотрел на меня.

— А ты? — спросил он.

Вопрос был тихим.

Очень тихим.

Я могла написать что-нибудь безопасное. “Северин, который помогал у источника”. “Северин, который защищал лес”. “Северин, который знает Арвенн”.

Но север бил именно туда, где человек боится быть нужным только как символ.

Поэтому я написала иначе.

— Северин, рядом с которым я помню, что могу быть не только сильной.

Он долго молчал.

В холле стало так тихо, что я слышала, как капля фонтана скатилась по камню.

Потом Северин осторожно взял лист.

Его пальцы едва заметно дрожали.

На запястье чёрная нить вспыхнула — и тут же побледнела.

Медальон Аделаиды стал тёплым.

Матвей выдохнул:

— Сработало.

— Пока, — сказал Северин.

— Пока — тоже время, — ответила я.

И тут Корневые ворота ударили тревогой.

Не звуком.

Толчком по полу.

Дом весь вздрогнул. Фонтан поднялся столбом, карта сменилась изображением западной границы.

У ворот стояли люди.

Пятеро.

Они пришли пешком, без лошадей, без знамён, без оружия. Серые плащи, капюшоны, белые повязки на глазах. На груди каждого — круглая чёрная брошь в форме короны без зубцов.

Люди без имён.

За воротами Орвальд держал отряд на расстоянии. Ильтар лежал рядом, подняв голову, готовый к рывку, хотя рана явно не позволяла ему двигаться.

Один из пришедших шагнул к воротам.

Фонтан передал его голос:

— Мы пришли не воевать. Мы пришли говорить с наследником.

Северин медленно поднялся.

Я тоже.

Он посмотрел на меня.

— Нет, — сказала я сразу. — Один ты к ним не выйдешь.

— Я знаю.

Простые два слова.

И в них было столько доверия, что все мои возражения застряли в горле.

Рейнар поднялся следом.

— Я иду.

— Вы едва стоите.

— Именно. Буду выглядеть мирно.

— Вы дракон.

— Это портит образ, согласен.

Матвей взял посох.

— Я открою малое окно у ворот. Прохода не будет.

Лина подняла руку.

— А я?

— Ты остаёшься здесь, — сказали мы почти все сразу.

Она надулась, но на этот раз спорить не стала.

Мы вышли к воротам через зелёную дорогу.

Северин шёл рядом со мной. В руке он держал лист с живым именем. Сложенный вчетверо, спрятанный у сердца.

Рейнар шёл с другой стороны. Медленно. Упрямо. С лицом человека, которому больно, но который выбирает идти, потому что его попросили быть полезным.

У ворот стало холодно.

Пятеро в серых плащах стояли неподвижно.

Когда мы подошли, средний снял капюшон.

Молодой мужчина. Лицо спокойное, почти красивое. Глаза завязаны белой тканью. На ткани написано одно слово:

Никто.

— Северин Арвенн, — сказал он. — Мы пришли вернуть вам правду.

Северин остановился перед воротами.

Корни оставались сомкнутыми между нами.

— Моё имя уже при мне.

Мужчина улыбнулся.

— Имя — да. Память — нет.

Он поднял руку.

В ладони лежал маленький деревянный солдатик. Старый, потёртый. С вырезанным кривым мечом.

Северин замер.

Я увидела это сразу.

Не по лицу.

По дыханию.

— Узнаёте? — спросил человек без имени.

Северин молчал.

Мужчина продолжил:

— Ваш отец сделал его в ту зиму, когда решил отдать себя драконьему суду, чтобы выжила ваша мать. Вам сказали, что он погиб в бою. Это ложь. Его казнили. И приказ подписал Алый дом.

Рейнар побледнел.

— Какой год? — спросил он резко.

Мужчина повернул к нему перевязанное лицо.

— Дракон знает, что правда пахнет кровью?

— Год, — повторил Рейнар.

— Зима Красного Пепла.

Рейнар закрыл глаза.

— Это был мой отец.

Северин медленно повернулся к нему.

И вот она — первая настоящая трещина.

Не между ними.

Внутри Северина.

Чёрная нить на его запястье вспыхнула.

Люди без имён заговорили хором:

— У тебя украли отца. Украли дом. Украли трон. Назови себя королём — и правда станет оружием.

Я схватила Северина за руку.

Он был ледяной.

— Смотри на меня, — сказала я.

Он смотрел не на меня.

На Рейнара.

Рейнар стоял очень прямо. Бледный, измученный, но не прятался.

— Я не знал, — сказал он.

Северин усмехнулся.

Глухо.

Больно.

— Эту фразу я слышал от драконов слишком часто.

Рейнар кивнул.

— Знаю.

Он сделал шаг ближе к воротам.

— Но узнаю. И если приказ был — найду его. Если мой дом виновен — скажу это вслух. Не ради оправдания. Ради

твоего права знать.

Чёрная нить дрогнула.

Люди без имён застыли.

Они ждали ярости.

Ждали, что Северин возьмёт боль как меч.

А Рейнар дал не спор, не защиту рода, не привычную гордость.

Он дал обещание правды.

Северин сжал мою руку.

Его дыхание выровнялось не сразу.

Медленно.

С усилием.

— Я узнаю правду, — сказал он наконец. — Но не отдам ей себя.

Мужчина с повязкой перестал улыбаться.

— Вы уже отдаёте. Просто медленно.

— Нет, — сказала я. — Он выбирает медленно. Это другое.

Он повернул лицо ко мне.

— Хозяйка леса держит наследника за руку. Трогательно.

Но когда он вспомнит всё, даже вы не сможете быть важнее мёртвых.

Я почувствовала, как Северин напрягся.

Я ответила спокойно:

— Мне не нужно быть важнее. Мне нужно быть живой.

Ветер ударил по воротам.

Пятеро людей без имён одновременно отступили на шаг.
Средний поднял деревянного солдатика.

— Первая память возвращена. Остальные придут во сне.

— Оставьте игрушку, — сказал Северин.

— Она ваша.

— Тогда оставьте.

Мужчина бросил солдатика к корням. Ворота пропустили вещь внутрь, но сразу оплели её тонкой зелёной сетью.

Изоляция.

Хорошие ворота.

Люди без имён развернулись.

— До новой луны, Северин Арвенн. Корона ждёт того, кто устал быть просто человеком.

Они ушли в туман.

Когда их силуэты исчезли, Рейнар тихо сказал:

— Я найду приказ.

Северин не смотрел на него.

— Найди.

Голос был холодным.

Но уже живым.

Я подняла деревянного солдатика через ткань. Маленький. Потёртый. Невинный и страшный одновременно.

Северин смотрел на игрушку так, будто держался из последних сил.

— Пойдём домой, — сказала я.

Он медленно перевёл взгляд на меня.

— Домой?

— Да.

И после долгой паузы он кивнул.

Север стоял за воротами.

Прошрое поднялось между нами.

Но рука Северина всё ещё была в моей.

И пока он держал её сам, Чёрная Корона не победила.

Глава 5. Сон наследника

Деревянного солдатика положили в стеклянную капсулу.

Он лежал на столе в холле, маленький, потёртый, почти жалкий. Кривой меч, вырезанный неумелой рукой. Неровная спина. Лицо без подробностей — две точки вместо глаз, тонкая линия рта.

Игрушка.

Память.

Оружие.

После людей без имён всё вокруг стало осторожным.

Дом приглушил свет в окнах. Фонтан перестал журчать громко и теперь дышал едва слышно. Корневые ворота закрылись плотнее, лагерь Орвальда отодвинули дальше от западной границы, а Ильтар, по словам Рейнара, весь вечер смотрел на север и рычал сквозь сон.

Северин молчал.

Он не ушёл. Не спрятался. Не стал делать вид, что разговор у ворот ничего не значил. Он просто сидел у стола напротив капсулы и смотрел на солдатика.

Иногда это страшнее слов.

Рейнар стоял у дальней стены, перебирая бумаги, которые ему принёс Прохор из временного архива Алого дома. На его лице застыла та самая сосредоточенность, с которой люди ищут не документ, а приговор себе.

Зима Красного Пепла.

Приказ Алого дома.

Казнь отца Северина.

Новая правда вошла в дом и заняла место между нами.

Я чувствовала её, как холодный сквозняк.

Лина сидела на ступеньке лестницы и обнимала куклу.

Мира с Данко уже ушли в лечебную комнату, где Матвей устроил для детей постели. Прохор пытался унести бульон сразу всем, включая меня, Рейнара, Северина и, кажется, капсулу с игрушкой. Его забота стала тревожной, почти божьей.

— Если человек молчит, ему надо есть, — сказал он, ставя миску перед Северином.

Северин поднял глаза.

— Кто тебя этому научил?

Прохор почесал затылок.

— Жизнь, господин. И моя тётка. Она говорила: голодный мужик думает либо о драке, либо о смерти. Сытый иногда может подумать о печке.

Лина серьёзно кивнула.

— Печка лучше смерти.

Северин посмотрел на миску.

Потом взял ложку.

Маленькая победа.

Я сидела рядом и старалась не смотреть на него слишком пристально. Это было трудно. Когда человек молчит с такой

болью в плечах, хочется либо обнять, либо трясти, пока не заговорит. Первое казалось слишком смелым. Второе — жестоким.

Я выбрала третье.

Сидеть рядом.

Иногда это тоже действие.

Рейнар наконец отложил бумаги.

— В архиве Алого дома есть упоминание о Зиме Красного Пепла, — сказал он.

Северин замер.

Ложка осталась в его руке.

— Говори.

Рейнар медленно вдохнул.

— Полных приказов нет. За тот год архив повреждён. Часть документов сгорела при переносе в новый дом. Но есть журнал выездов карательного крыла. Там указан отряд моего отца. Место — северо-восточная граница. Основание — подавление мятежной ячейки Арвенна.

Северин усмехнулся.

Без радости.

— Мятежной ячейки.

— Я читаю формулировку.

— Знаю.

Рейнар опустил глаза к листу.

— В списке задержанных имён нет. Только пометки: “мужчина, тридцать пять лет, признаки арвеннской крови”,

“женщина с ребёнком скрылась”, “объект казни передан церковному дознавателю”.

Воздух в холле стал тяжёлым.

Лина тихо спустилась на ступень ниже, но никто её не прогнал.

Северин поставил ложку.

Очень аккуратно.

— Значит, они сказали правду.

Рейнар сжал бумагу.

— Часть правды.

— Самую важную часть.

— Нет, — тихо сказал Рейнар. — Самая важная часть — кто приказал и почему. Пока этого нет.

Северин посмотрел на него.

Долго.

— Ты ищешь способ снять вину с Алого дома?

Рейнар побледнел, но не вспыхнул.

Ещё несколько недель назад он бы ответил резко, властно, гордо. Сейчас проглотил первую реакцию. Это было видно по тому, как напряглась челюсть.

— Я ищу правду, — сказал он. — Если вина там — я принесу её сам. Но Чёрная Корона дала тебе память не ради справедливости. Она дала её так, чтобы ты захотел не узнать, а ударить.

Северин встал.

— А если я хочу ударить?

— Тогда я пойму, — ответил Рейнар.

Эти слова остановили всех.

Даже меня.

Рейнар стоял у стены, держа лист с архивной записью, и не прятался от взгляда Северина.

— Если мой отец приказал убить твоего, — сказал он, — ты имеешь право ненавидеть. Меня, мой дом, наше имя. Я не буду спорить с этим правом. Но если ты позволишь северу сделать твою ненависть короной, он убьёт тебя, а твоей рукой — остальных.

Северин смотрел на него так, будто каждое слово причиняло боль.

— Ты слишком хорошо говоришь для человека, которому выгодно молчать.

— Я долго молчал там, где было удобно. Хватит.

Тишина снова опустилась в холл.

Я увидела, как у Северина дрогнула рука. Он заметил и сжал пальцы в кулак.

На запястье проступила тонкая чёрная нить.

Письмо слушало.

Игрушка слушала.

Север — тоже.

Я поднялась.

Медленно, чтобы не закружилась голова. Подошла к столу и положила ладонь на стеклянную капсулу.

— Сегодня никто больше не трогает эту память.

Северин посмотрел на меня.

— Она моя.

— Да. И именно поэтому ты не обязан брать её всю сразу, когда тебе её бросили как нож.

Он молчал.

— Север, это не отказ от правды. Это пауза. Завтра будем смотреть документы, искать свидетелей, проверять, что было в ту зиму. Сегодня ты устал. А усталого человека легче убедить, что боль — единственное честное чувство.

Он отвернулся.

Я боялась, что уйдёт.

Но он остался.

— Хорошо, — сказал он наконец.

Одно слово.

Тихое.

И очень дорогое.

Дом облежённо скрипнул.

Лина спрыгнула со ступеньки.

— Значит, всем спать?

— Всем, — сказала я. — Особенно тем, кто собирается завтра спорить с древней короной.

— А если сон плохой?

Я посмотрела на Северина.

Он тоже понял.

Люди без имён обещали, что остальные памяти придут во сне.

— Тогда будем дежурить, — сказала я.

Матвей, который до этого молча стоял у фонтана, нахмурился.

— Хозяйка, вам самой нужен сон.

— Мне нужен, чтобы Северин дожил до утра самым собой.

— Я могу дежурить, — сказал Рейнар.

Северин резко:

— Нет.

Рейнар кивнул, словно ожидал.

— Понимаю.

Я посмотрела на них обоих.

— Дежури́м по очереди. Но первый час — я.

— Ева, — начал Северин.

— Первый час, — повторила я. — Это не обсуждение. Потом Матвей. Потом, если понадобится, Рейнар у двери. Не рядом с тобой, если не хочешь. Но в доме.

Рейнар тихо сказал:

— Достаточно у двери.

Северин после паузы кивнул.

Лина подняла руку.

— Я могу дежурить утром.

— Ты можешь спать утром, днём и ночью.

— Это несправедливо.

— Это лечение.

— Очень удобное слово, — пробормотала она.

Я решила сделать вид, что не слышала.

Комнату Северину выделил сам дом.

Она появилась в восточном крыле, где раньше был глухой коридор с заросшими дверями. Теперь там открылась небольшая спальня: тёмное дерево, узкое окно на лес, кровать, стол, кресло у стены. На подоконнике лежал свежий лист — знак дома, что комната принята в живую часть.

Северин остановился у порога.

— Это была комната хранителя дорог, — сказал он тихо.

— Ты знаешь?

— Кровь помнит.

В его голосе снова появилась усталость.

Я вошла первой, зажгла маленькую лампу. Свет лёг мягко, без резких теней.

— Тогда сегодня она будет комнатой человека, которому нужно поспать.

— Звучит менее торжественно.

— Зато полезнее.

Он снял плащ, положил нож на стол. Потом задержался, глядя на него, словно решая, должен ли оставить оружие рядом.

— Оставь, — сказала я.

— Думаешь?

— Думаю, если убрать силой всё, что даёт ощущение контроля, сон станет хуже.

Он посмотрел на меня чуть удивлённо.

— Ты стала мягче.

— Не обольщайся. Я всё ещё могу ругаться.

— Верю.

Он сел на край кровати. Я — в кресло у стены.

Между нами было несколько шагов, лампа, тишина и слишком много недосказанного.

— Ты не обязана сидеть здесь, — сказал он.

— Знаю.

— И всё равно?

— И всё равно.

Он опустил взгляд.

— Если я начну говорить во сне...

— Буду слушать.

— Если это будет не мой голос?

— Позову по имени.

— Если не поможет?

Я сглотнула.

Вот на этот вопрос красивого ответа не было.

— Тогда будем искать дальше.

Северин посмотрел на меня.

— Ты редко обещаешь то, чего не можешь выполнить.

— Учусь.

Он лёг не сразу. Сначала сидел, упираясь локтями в колени, глядя в пол. Потом всё-таки снял сапоги, лёг поверх одеяла и повернулся лицом к окну.

— Ева.

— Да?

— Если я утром захочу уйти один...

— Я тебя ударю.

Он тихо рассмеялся.

Настояще. Устало.

— Хороший план.

— Рабочий.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно, я напомним тебе, что ты уже выбрал идти рядом. И буду делать это столько раз, сколько понадобится.

Он закрыл глаза.

— Это может надоесть.

— Уже надоело. Но я продолжаю.

На этот раз улыбка задержалась на его лице чуть дольше.

Потом сон всё-таки взял своё.

Сначала дыхание стало ровнее. Плечи расслабились.

Пальцы, сжатые на краю одеяла, медленно разжались.

Я сидела в кресле и смотрела на него.

Не как на больного.

Как на человека, который слишком долго был вынужден быть легендой для одних и угрозой для других.

В какой момент он успел стать для меня таким важным?

Наверное, не в один.

Не тогда, когда вынес из башни.

Не тогда, когда держал меня у сердца Арвенна.

Не тогда, когда сказал, что выбирает идти рядом.

А во всех этих маленьких “рядом”, сложенных одно к другому.

Я устало потёрла лицо.

Вот уж действительно. Спасала лес — нашла чувство, с которым непонятно, что делать.

За окном сгущалась ночь.

Новая луна приближалась.

Я почти задремала, когда Северин заговорил.

— Отец...

Голос был детским.

Нет.

Не совсем детским. Просто таким, каким взрослый человек никогда не говорит наяву.

Я выпрямилась.

— Северин?

Он не проснулся.

Лицо напряглось.

— Не уходи.

Комната похолодела.

Лампа дрогнула.

На столе нож сам медленно повернулся остриём к двери.

Я встала.

— Северин, ты в комнате. В усадьбе. Я рядом.

Он резко вдохнул.

— Они пришли за тобой... мама сказала молчать...

Стены комнаты потемнели.

Не полностью. По углам проступил снег.

Настоящий снег.

Белый, холодный, тихий.

Пол под ногами исчез, и я оказалась уже не в комнате, а у маленького дома на северной границе.

Сон втянул меня внутрь.

Я стояла в чужой памяти.

Передо мной мальчик лет восьми прятался за печью, зажимая рот ладонью. У него были глаза Северина.

За дверью кричали.

Мужской голос:

— Я выйду сам. Только не трогайте их.

Другой голос — холодный, властный:

— Именем Алого дома вы обвиняетесь в сокрытии мятежной крови.

Я обернулась.

Северин-мальчик дрожал.

В его руке был тот самый деревянный солдатик.

Дверь распахнулась.

В дом вошёл человек в алом плаще.

Не Рейнар.

Старше.

Жёстче.

С глазами, в которых приказ давно заменил совесть.

Отец Рейнара.

Сон остановился на его лице.

И за моей спиной взрослый Северин прошептал:

— Я вспомнил.

Алый лорд повернул голову.

Посмотрел прямо на меня.

Хотя меня в этой памяти быть не могло.

— Хозяйка леса, — сказал он чужим северным голосом.

— Хорошо. Смотри тоже. Пусть ты знаешь, чью руку держишь.

Дом, снег, мальчик, печь — всё треснуло.

И память повела нас к казни.

Глава 6. Казнь в снегу

Память повела нас к казни.

Снег падал медленно.

Крупными хлопьями, почти красиво. Он ложился на крышу маленького дома, на забор, на плечи людей в алых плащах. На лицо женщины, которая стояла у двери и держала на руках ребёнка так крепко, будто могла спрятать его внутрь собственного сердца.

Мать Северина.

Я поняла это сразу.

Не по внешности. Хотя в её лице было что-то от него: линия бровей, упрямый подбородок, глаза, которые даже в ужасе оставались ясными.

По тому, как мальчик за печью смотрел на неё.

Так смотрят на весь мир сразу.

— Не выходи, — прошептала она.

Но мальчик уже видел всё.

И я видела вместе с ним.

Память была безжалостной. Она не размывала углы, не прятала лица, не оставляла спасительного тумана. Каждый звук был чётким: скрип снега под сапогами, кашель одного из солдат, хруст дерева в печи, дыхание женщины, которая старалась не плакать, потому что ребёнок слушал.

Мужчину вывели на двор.

Отец Северина.

Высокий, темноволосый, с руками, связанными за спиной. На лице кровь. Но стоял он прямо. Не гордо — нет. В этой прямоте не было демонстрации. Просто человек хотел, чтобы сын, если всё-таки увидит, запомнил его стоящим.

Алый лорд перед ним развернул свиток.

Лицо лорда было знакомо лишь по портретному сходству с Рейнаром: та же резкая линия скул, та же посадка головы, та же порода, воспитанная веками приказов. Но в Рейнаре, даже в самые худшие дни, была живая трещина. В этом человеке трещин не осталось.

— Именем Алого дома, — произнёс он, — за сокрытие крови Арвенна, связь с мятежными хранителями и отказ выдать местонахождение наследника, обвиняемый признаётся угрозой имперскому порядку.

Отец Северина поднял голову.

— Моего сына здесь нет.

Мать за дверью зажала рот рукой.

Мальчик за печью перестал дышать.

Алый лорд даже не посмотрел в сторону дома.

— Ты плохо лжёшь.

— Значит, плохо слушаешь.

За это его ударили.

Я вздрогнула.

Хотя удар пришёлся не по мне.

Взрослый Северин стоял рядом в памяти. Я не знала, как

он оказался здесь — не мальчиком, не полностью собой, скорее тенью того, кто вспомнил. Лицо его было белым. Глаза — пустыми.

— Север, — сказала я тихо.

Он не ответил.

Память продолжалась.

Алый лорд подошёл ближе к отцу Северина.

— Вы, арвеннцы, всегда прикрываетесь детьми, когда не хватает силы держать власть.

— А вы, драконы, всегда называете властью то, что взяли огнём.

Солдаты напряглись.

Алый лорд усмехнулся.

— Красивые слова перед смертью.

— Нет, — сказал отец Северина. — Обычные слова перед сыном.

Он повернул голову.

Не прямо к дому.

Чуть в сторону.

Туда, где из щели в ставне мог смотреть мальчик.

— Северин, если слышишь... не становись тем, кем тебя будут пугать.

Мальчик за печью зажал солдатику так сильно, что дерево впилось в ладонь.

Северин рядом со мной закрыл глаза.

— Я не помнил этих слов, — прошептал он.

— Теперь помнишь.

— Поздно.

Я хотела сказать, что не поздно, но не успела.

Алый лорд поднял руку.

Снег вокруг двора вспыхнул алым.

Не огнём. Отражением пламени, которое появилось в ладонях драконьих солдат.

Мать Северина рванулась к двери, но какая-то пожилая женщина удержала её. Ребёнок у неё на руках проснулся и заплакал.

Мальчик за печью не издал ни звука.

Отец Северина смотрел на дом.

И улыбался.

Так страшно, так нежно, что у меня сжалось горло.

— Живи, — сказал он.

Пламя ударило.

Память на миг стала белой.

Потом красной.

Потом снова белой, потому что снег падал, падал, падал — и пытался закрыть то, что закрыть уже было невозможно.

Северин сделал шаг назад.

— Хватит.

Но память не отпустила.

Чёрная Корона не показывала боль ради правды. Она показывала её до конца, чтобы человек утонул.

Алый лорд повернулся к дому.

— Найдите мальчишку.

Мать Северина вскрикнула.

Солдаты вошли внутрь.

Мальчик за печью метнулся к маленькой дверце в полу. Погреб. Его мать успела подбежать, открыть крышку, втолкнуть его вниз.

— Молчи, — сказала она. — Что бы ни услышал — молчи.

— Мама...

— Живи.

Она закрыла крышку.

Темнота.

Мальчик лежал в холодном погребе, прижимая солдатика к груди. Сверху гремели шаги, падала посуда, кто-то кричал. Потом голос алого лорда:

— Женщину взять. Дом сжечь.

Память снова дрогнула.

Теперь мы стояли на дороге.

Мальчик выбрался из погреба уже ночью. Дом был чёрным остовом. Воздух пах гарью, снегом и мокрым пеплом. Матери не было. Отца не было. Людей не было. Только деревянный солдатик в ладони и следы, уходящие к северу.

Мальчик пошёл по ним.

Один.

И вот тут взрослый Северин сломался.

Не громко.

Он просто опустился на колени прямо в снег памяти, как будто ноги перестали держать. Его рука потянулась к ребёнку, но прошла сквозь него.

— Я шёл за ней, — сказал он. — Я думал, что найду мать. Я шёл, пока не упал у старой дороги. Меня подобрала люди Матвея. А потом... потом я помнил только пожар.

Я опустилась рядом.

Снег ложился мне на плечи. Он был холодный, хотя это был сон. Или память. Или ловушка. В Глухолесье такие различия давно потеряли уверенность.

— Корона вернула тебе не всю правду, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Она показала казнь отца. Показала вину Алого дома. Показала твой ужас. Но не показала, что стало с матерью.

Северин застыл.

— Мать...

— Её взяли живой.

Чёрный снег вокруг нас закружился.

Да, чёрный.

На белых хлопьях проступала тьма, будто память разозлилась, что её разобрали не так, как она хотела.

За спиной раздался тот самый мягкий голос людей без имён:

— Не утешай его, хозяйка. Надежда — ещё один крючок.

Я поднялась.

Перед нами стоял человек в сером плаще и белой повязке на глазах. На ткани по-прежнему было написано: *Никто*.

Только теперь он был внутри сна.

— Где его мать? — спросила я.

Он улыбнулся.

— Какая разница? Отец сожжён. Дом уничтожен. Алый род виновен. Разве этого мало, чтобы стать королём?

Северин медленно поднялся.

Его лицо стало страшно спокойным.

— Где моя мать?

Человек без имени развёл руками.

— Может, умерла. Может, молилась о смерти. Может, стала одной из нас. Когда люди теряют всё, они часто приходят к Чёрной Короне сами.

Чёрная нить на запястье Северина вспыхнула.

Я шагнула к нему, но он поднял руку.

— Нет.

Не грубо.

Но твёрдо.

Он смотрел на человека без имени.

— Ты хочешь, чтобы я взял боль как корону.

— Я хочу вернуть тебе достоинство.

— Нет. Ты хочешь дать моей боли трон, чтобы она правила вместо меня.

Повязка на лице незнакомца дрогнула.

— Твой отец умер из-за драконов.

— Да.

— Твою мать забрали.

— Да.

— Тебя лишили дома.

— Да.

— И ты всё ещё держишься за руку женщины, которая лечит их всех?

Эта фраза ударила уже в меня.

Лечит их всех.

Драконов. Императора. Совет. Даже тех, кто причинял боль.

Северин повернул голову.

Посмотрел на меня.

В его глазах была мука. Не обвинение. Хуже — вопрос, который он боялся задать.

Могу ли я быть рядом с человеком, который будет пытаться спасти тех, кого я имею право ненавидеть?

У меня не было красивого ответа.

Был только честный.

— Я не смогу ненавидеть за тебя, — сказала я. — Даже если пойму почему. И не буду просить тебя простить. Но я могу стоять рядом, пока ты решаешь, кем станет твоя боль.

Северин закрыл глаза.

Чёрная нить на его запястье задрожала.

Человек без имени шагнул ближе.

— Она выберет жизнь врага, если придётся.

— Возможно, — сказал Северин.

Голос был тихий, но уже его.

— Но она не выбирает вместо меня. А ты пытаешься.

Сон треснул.

Снег остановился в воздухе.

Человек без имени перестал улыбаться.

— Первая память принята, — сказал он. — Вторая придёт скоро. И в ней ты увидишь, кому служила твоя мать после того, как драконы забрали её.

— Покажешь — посмотрю, — ответил Северин. — Но корону не возьму.

— До новой луны все говорят так.

Он рассыпался чёрными хлопьями.

Снег снова стал белым.

Маленький Северин стоял у сгоревшего дома, сжимая деревянного солдата. Он не видел нас. Он смотрел на север — туда, куда увели мать.

Взрослый Северин подошёл к нему.

Опустился на колено.

— Ты выжил, — сказал он мальчику. — Это было не мало.

Мальчик исчез.

Память побледнела.

Комната вернулась резко.

Я снова сидела в кресле у кровати, только теперь была на полу. Видимо, упала, когда сон втянул меня за собой. Лампа почти погасла. За окном темнел лес.

Северин сидел на кровати, согнувшись, с лицом в ладонях.

На его запястье чёрная нить стала тоньше.

Но рядом с ней появился новый след.

Алый.

След памяти о казни.

Я медленно поднялась и села рядом с ним на край кровати.

Не касаясь.

Ждала.

Он заговорил сам.

— Мой отец не просил мести.

— Я слышала.

— Он просил жить.

— Да.

Северин поднял голову.

Глаза были красными, но сухими.

— Я всю жизнь думал, что если вспомню всё, стану сильнее. А сейчас чувствую себя восьмилетним мальчиком в погребё.

Я осторожно положила ладонь рядом с его рукой.

Не сверху.

Рядом.

— Может, сила не в том, чтобы перестать быть этим мальчиком.

Он посмотрел на мою руку.

Потом накрыл её своей.

— А в чём?

— В том, чтобы больше не оставлять его одного.

Он сжал мои пальцы.

Не сильно.

Но так, будто держался за край.

Дверь тихо скрипнула.

На пороге стоял Рейнар.

Он был без плаща, в простой рубахе, с бумагами в руке.

Лицо — бледное, напряжённое. Но в глазах было то, что я меньше всего ожидала увидеть.

Страх.

— Я услышал крик, — сказал он.

Северин сразу выпрямился.

Рука его осталась на моей.

Рейнар заметил.

Отвёл взгляд.

Потом протянул бумаги.

— Я нашёл копию.

Северин не взял.

— Какую?

Рейнар сглотнул.

— Приказ Зимы Красного Пепла. Подписан моим отцом.

Тишина стала густой.

— И? — спросил Северин.

Рейнар смотрел не на него.

На пол.

— Казнить мужчину. Женщину и ребёнка доставить дознавателю при северной обители.

Я почувствовала, как пальцы Северина сжали мою руку.

— Обитель Чёрной Короны, — сказала я.

Рейнар кивнул.

— Твоя мать могла выжить.

Северин закрыл глаза.

По его лицу прошла такая боль, что мне захотелось закрыть его от всего мира.

Но мир уже вошёл.

И принёс новую дорогу.

Рейнар тихо добавил:

— Я поеду с вами на север. Не только из-за гнили. Из-за этого тоже. Мой дом начал эту цепь.

Северин открыл глаза.

Долго смотрел на него.

— Твой дом, — сказал он наконец. — Не ты.

Рейнар вздрогнул.

Как от удара.

Только удар этот был милостью, к которой он не был готов.

— Но я наследник этого дома.

— Тогда наследуй правду, — сказал Северин. — Не вину вместо неё.

Рейнар опустил голову.

— Постараюсь.

Я сидела между ними и вдруг поняла: Чёрная Корона хотела бросить кость между драконом и наследником Арвенна.

А получилось иначе.

Боль не исчезла. Прощение не случилось. Рана не закрылась.

Но правда больше не лежала в руках врага.

Она была здесь.

В комнате, где трое усталых людей не знали, как жить дальше, но всё же не отдали свою боль северу.

За окном Глухолесье зашептало.

Далеко-далеко, за Чёрным хребтом, ударил колокол.

Один раз.

До новой луны оставалось две ночи.

Глава 7. Две ночи до новой луны

Утро пришло серым.

Без солнца, без птичьего шума, без привычного зелёного света, которым дом встречал новый день. Глухолесье проснулось настороженным. Ветви стояли неподвижно. Фонтан в холле бил ровно, но тише обычного, словно даже вода старалась не привлекать лишнего внимания севера.

Я почти не спала.

Сначала сидела рядом с Северином, пока он смотрел на приказ Зимы Красного Пепла. Потом перевязывала Рейнару плечо, хотя он уверял, что способен сделать это сам. Потом долго стояла у окна и смотрела на лес, пока в стекле не начало отражаться лицо женщины, которую я всё ещё училась называть собой.

Ева.

Хозяйка Глухолесья.

Женщина в теле Эвелины.

Та, кого север теперь считал препятствием.

Я коснулась медальона Аделаиды на груди. Холодная капля северной воды под стеклом отозвалась слабым светом.

“Боль делает человека раненым. Всё остальное — выбор”.

Хорошие слова.

Только выбирать приходилось слишком часто.

Когда я вошла в холл, там уже собрались почти все.

Северин стоял у карты. Бледный, с тёмными тенями под глазами, но спокойный. На запястье под повязкой скрывались две нити — чёрная от письма и алая от памяти о казни. Он не прятал руку за спину. Это было важно.

Рейнар сидел за столом с бумагами Алого дома. Перед ним лежала копия приказа, найденная ночью. Он перечитывал её снова и снова, будто надеялся, что буквы изменятся.

Матвей раскладывал книги по трём стопкам: “может пригодиться”, “опасно, но нужно”, “читать только при крайней необходимости”. Лина тут же переложила половину третьей стопки в первую.

— Так быстрее, — объяснила она.

Матвей посмотрел на меня с видом человека, который уже проиграл.

Мира и Данко сидели у фонтана. Данко дорезал вторую деревянную птичку, а Мира тихо проговаривала имена детей Первой заставы. Сеть живых держалась, но после ночного сна Северина в ней появились тонкие дрожащие участки.

Север касался уже не только его.

Он пробовал весь лес.

— Состояние сети? — спросила я.

Матвей выпрямился.

— Первая застава держит хорошо. Серая молчит, но серебряная ветвь Эвелины светится ровно. Чёрная застава сообщила утром, что стражи слышали шаги за хребтом.

— Люди без имён?

— Похоже на них.

Северин поднял взгляд от карты.

— Они идут не к нам.

В холле стало тише.

— Куда? — спросил Рейнар.

Северин провёл пальцем по северной линии.

— К старому перевалу. Если пройдут через него, смогут выйти к заброшенному тракту и обойти Корневые ворота.

Матвей нахмурился.

— Тот тракт завалило ещё до моего рождения.

— Значит, его откроют.

Лина шёпотом спросила:

— Они могут войти в лес с другой стороны?

— Могут попытаться, — ответила я.

Девочка подняла подбородок.

— Тогда надо закрыть и там.

Все посмотрели на неё.

Она пожала плечами.

— Что? Если есть дырка в заборе, козы туда лезут.

Рейнар медленно положил перо.

— Сравнение северных культистов с козами неожиданно точное.

Лина гордо улыбнулась.

— Я вообще умная.

— Это заметно, — сказал Северин.

От его тихого голоса у девочки сразу смягчилось лицо.

Она подошла к нему и протянула маленькую ленточку. Серую, с зелёным узелком.

— Это тебе.

Северин взял её осторожно.

— Что это?

— Чтобы помнить, что ты не только Арвенн. Я хотела вышить длинное имя, но там много слов, а ленточка маленькая. Поэтому узелок. Он значит: “тот, кто рядом”.

Северин долго смотрел на ленточку.

Потом повязал её поверх своей повязки, рядом с чёрным следом.

— Спасибо.

Лина кивнула, будто вручила боевую награду.

И я увидела: чёрная нить на его запястье снова побледнела.

Не магия ленточки.

Смысл.

Север хотел сделать имя узким, острым, удобным для короны.

А мы расширяли его живыми руками.

— Нужно выходить сегодня, — сказал Северин.

Я знала, что он это скажет.

Всё равно внутри сжалось.

— Сегодня ты едва стоишь после ночного сна.

— Если ждать, с каждым часом зов станет сильнее.

— Согласна.

Он моргнул.

— Ты согласна?

— Да. Чем ближе новая луна, тем меньше свободы выбора. И если твоя мать действительно связана с обителью, люди без имён используют её как следующий крючок.

Рейнар поднялся.

— И как проход к тебе.

Северин кивнул.

— Да.

Я посмотрела на карту.

Старый перевал. Заброшенный тракт. Обитель Чёрной Короны. Две ночи до новой луны.

— Тогда группа маленькая, — сказала я. — Северин, Рейнар, я.

— И я, — сказал Матвей.

— Вы остаетесь.

Он даже не возмутился. Просто посмотрел так, что стало ясно: возмущение будет долгим, основательным и, вероятно, с участием посоха.

— Хозяйка, я знаю старые дороги.

— Вы нужны здесь. Если север попытается войти через сеть, дом должен держать центр. Дети должны быть под защитой. Арвенн только начал дышать. Стражи Чёрной заставы ещё слабы. Кто будет удерживать всё это?

Матвей молчал.

Потом тяжело выдохнул.

— Ненавижу, когда вы правы.

— Взаимно.

Лина подняла руку.

— Тогда я остаюсь вместо Матвея главным заместителем.

— Ты остаёшься ребёнком, который выполняет указания взрослых.

— Это слишком низкая должность.

— Зато пожизненная, пока не вырастешь.

Данко тихо рассмеялся.

Мира — тоже.

Нам всем нужен был этот смех.

Хотя бы на несколько ударов сердца.

Прохор вошёл в холл с подносом. На нём стояли миски с горячей кашей, бульон, хлеб и маленький мешок сухарей.

— Перед дорогой все едят, — сказал он.

Никто не спорил.

Даже Рейнар.

Я заметила и мысленно поставила ему ещё одну отметку в невидимой таблице “прогресс упрямого дракона”.

Северин ел медленно. Не потому, что не хотел. Кажется, просто мысли всё время уводили его обратно в ночь, в снег, к отцу, к матери, которую увели к северной обители.

Я села рядом.

— Ты боишься увидеть её? — спросила тихо.

Он держал ложку, глядя в миску.

— Да.

— Живой?

— И живой. И мёртвой. И такой, которая выбрала Чёрную Корону.

Я не стала говорить, что всё будет хорошо.

Эта фраза редко помогает тем, кто уже видел, как горит дом.

— Если она там, — сказала я, — мы узнаем правду.

— А если правда хуже всего, что я могу представить?

Я посмотрела на его руку с ленточкой Лины.

— Тогда будем держать тебя крепче.

Он повернулся ко мне.

Взгляд был усталым, но живым.

— Ты говоришь “мы”, когда обещаешь самое трудное.

— Так легче выполнять.

— Тебе?

— Всем.

Он чуть наклонил голову.

— А тебе кто скажет “мы”?

Вопрос застал меня врасплох.

Я уже привыкла распределять роли. Кто остаётся, кто идёт, кто держит связь, кто проверяет печати, кто наблюдает за больными. Так легче не думать о себе. О страхе. О том, что впереди может оказаться сила, которая умеет превращать любую рану в оправдание зла.

Я ответила не сразу.

— Надеюсь, ты.

Северин взял мою руку под столом.

Незаметно для остальных.

Почти.

Потому что Лина, конечно, заметила и сделала вид, что ей срочно нужно улыбаться в кашу.

Рейнар тоже заметил.

Он отвёл взгляд.

И впервые это не было обидой, брошенной в комнату. Скорее тихим признанием границы, которую он сам когда-то разрушил, а теперь учился не трогать.

После завтрака дом выдал нам дорогу.

Не обычную. На полу холла проступили зелёные линии, которые собрались в узкий символ: лист, чаша, крыло и северная звезда.

— Старый перевал, — сказал Матвей. — Дом помнит путь. Но дальше его власть слабеет.

— Насколько далеко? — спросила я.

— До каменного моста. После него начинаются земли без имён.

— Звучит гостеприимно.

Рейнар закрепил на поясе короткий меч. Я посмотрела на него.

— Оружие?

— Я всё ещё умею им пользоваться лучше, чем здоровьем.

— Сомнительное достижение.

— Но полезное.

Северин взял нож, сумку с картами и сложенный лист живого имени. Я проверила фляги, мох, капсулы, медальон Аделаиды, порошки Марены и сухари Прохора, которые он сунул мне в руки с видом человека, передающего святыню.

— Это не просто сухари, — сказал он. — С тмином.

— Тогда шансы выжить выросли.

Он серьёзно кивнул.

— Я тоже так думаю.

Перед выходом к нам подошёл Данко.

Он протянул Северину вторую деревянную птицу.

— Это тебе.

Северин принял её осторожно.

— Чтобы не заблудиться?

— Чтобы вернуться, даже если заблудишься.

Северин опустился перед ним на одно колено.

— Верну.

— Все так говорят перед дорогой, — сказал Данко. — Но ты всё равно верни.

Взрослые любят думать, что дети не понимают опасности.

Неправда.

Они часто понимают её чище нас. Просто говорят проще.

Мы вышли из усадьбы втроём.

Матвей остался на крыльце, рядом с Линой, Мирой, Данко и Прохором. За ними светился дом. Над деревьями слабо мерцала сеть живых.

Ильтар ждал у ворот, но лететь не мог. Его рана всё ещё требовала покоя. Рейнар долго говорил с ним на низком драконьем языке. Потом вернулся.

— Он недоволен.

— Прекрасно. Значит, жив.

— Он велел привезти ему северную козу.

— Зачем?

— Думаю, чтобы съесть.

Лина издали крикнула:

— Козы тоже люди!

— Нет! — крикнул Прохор.

И это был последний нормальный звук перед дорогой.

Старый перевал открылся за усадьбой внезапно.

Лес расступился, показывая узкую тропу, уходящую вверх. Земля становилась каменистой. Воздух — холоднее. Ветви склонялись над нами, но с каждым шагом их становилось меньше.

Северин шёл первым.

Я — за ним.

Рейнар замыкал.

Так прошёл первый час.

Потом второй.

Глухолесье редело. Деревья становились ниже, корни уходили глубже в камень. Ветер приносил запах снега.

На полпути Северин остановился.

— Что? — спросила я.

Он поднял руку.

На запястье чёрная нить снова проявилась.

Только теперь она тянулась не вперёд.

В сторону.

К узкому оврагу между камнями.

— Там кто-то есть, — сказал он.

Рейнар сразу вытащил меч.

Мы подошли осторожно.

В овраге лежал человек.

Серый плащ. Белая повязка на глазах. Чёрная брошь в форме короны без зубцов. Один из людей без имён.

Он был ранен.

На снегу вокруг него темнела кровь.

Услышав шаги, он попытался подняться, но упал обратно.

— Не подходите, — сказал он.

Голос молодой.

Совсем молодой.

— Почему? — спросила я.

— Я прочитал второе письмо.

Северин застыл.

Рейнар шагнул ближе.

— Где остальные?

Юноша горько усмехнулся.

— Они бросили меня, когда я вспомнил имя.

Я присела на краю оврага.

— Как тебя зовут?

Он молчал.

Повязка на его глазах была мокрой от снега и крови.

Потом губы дрогнули.

— Не знаю. Но оно было... тёплое.

Северин медленно опустился рядом со мной.

Чёрная нить на его запястье потянулась к раненому.

Юноша повернул голову, словно чувствовал его.

— Наследник... не ходите туда. Они не хотят дать вам корону. Они хотят, чтобы вы сами стали дверью.

— Для кого? — спросил Северин.

Юноша закашлялся.

На белой повязке проступили чёрные пятна.

— Для той, кто носила первую Чёрную Корону.

Ветер оборвался.

Даже Рейнар, кажется, перестал дышать.

— Она жива? — спросила я.

Юноша улыбнулся треснувшими губами.

— Нет. Но это ей никогда не мешало.

Он протянул руку.

В пальцах был обрывок письма.

На нём виднелась только одна строка:

*Мать корон просыпается, когда наследник добровольно
склонит голову.*

Северин взял обрывок через ткань.

Юноша вдруг схватил его за рукав.

— Вашу мать... я видел женщину с вашими глазами. В

обитатели. Она не безымянная. Она помнит. Она ждёт.

Северин побледнел.

— Жива?

Юноша не успел ответить.

С севера ударил колокол.

Второй за сутки.

Раненый выгнулся, повязка на глазах почернела полностью, и чужой женский голос произнёс его ртом:

— Идите быстрее, дети боли. Север уже накрывает следы снегом.

Потом юноша обмяк.

Я коснулась его шеи.

Пульс был слабый.

Но был.

— Он жив, — сказала я.

Рейнар посмотрел на перевал.

— Если задержимся, потеряем след.

Северин смотрел на раненого.

В его лице боролись страх, надежда и тот самый долг, который север хотел превратить в цепь.

Я уже знала, что он скажет.

Но он посмотрел на меня.

Спросил взглядом.

И это изменило всё.

— Мы не оставим его в снегу, — сказала я.

Северин закрыл глаза.

Не от раздражения.

От облегчения.

— Я надеялся, что ты так скажешь.

Рейнар убрал меч.

— Тогда быстро. Я понесу.

— У вас жар.

— У него кровь уходит. Спорить будем по дороге.

Я посмотрела на него.

— Вот теперь вы говорите как полезный человек.

— Сомнительная похвала.

— Какая есть.

Мы подняли юношу из оврага.

Север впереди звонил колоколами.

Обитель ждала.

Мать Северина, возможно, была жива.

Матерь корон просыпалась.

А мы снова выбрали не самый быстрый путь.

Зато свой.

Глава 8. Тот, кто вспомнил тепло

Раненый оказался легче, чем казался.

Слишком лёгкий для взрослого мужчины. Под серым плащом — худое тело, впалые щёки, острые плечи. На вид ему было не больше двадцати, хотя голос иногда звучал старше, будто внутри него говорили сразу несколько прожитых чужих жизней.

Рейнар поднял его на руки без лишних слов.

И почти сразу побледнел.

— Поставьте его, — сказала я.

— Нет.

— У вас жар.

— У него кровь.

— А у вас гниль в крови ещё не ушла полностью.

— Я донесу до укрытия.

— Какого укрытия?

Северин, шедший впереди, посмотрел на склон.

Старый перевал поднимался между двумя каменными грядами. Деревья здесь уже почти исчезли, остались низкие кусты, колючий можжевельник и мох, покрытый инеем. Ветер шёл сверху — резкий, сухой, со вкусом снега.

— Там, — сказал Северин.

Я проследила за его взглядом и увидела тёмный провал в скале.

Пещера или старая сторожевая ниша.

До неё было метров двести по камням.

Немного.

Если ты не несёшь раненого, не истощён после заражения, не идёшь к древней обители, где ждёт мёртвая корона.

— Хорошо, — сказала я. — До укрытия. Потом меняемся.

Рейнар коротко кивнул.

Он уже понял: спорить дольше — терять силы.

Прогресс иногда выглядит именно так.

Раненый безымянный застонал.

Белая повязка на его глазах, почерневшая после чужого голоса, стала влажной. Под тканью что-то двигалось. Не глаза — скорее тени, которые пытались выбраться наружу.

— Не снимайте, — прошептал он.

Я шла рядом, придерживая его руку, чтобы чувствовать пульс.

— Повязку?

Он едва заметно кивнул.

— Если снимете... я снова увижу её.

— Кого?

Его губы задрожали.

— Ту, что ждёт под короной.

Северин остановился на мгновение.

Я почувствовала, как это имя без имени ударило в него.

“Матерь корон”.

Слово, которое не должно было быть живым, но уже тя-

нуло к себе холодом.

— Сейчас не говори, — сказала я раненому. — Дыши ровно. Мы почти дошли.

Он вдруг сжал мои пальцы.

— У меня было имя.

— Будет снова.

— Нет. Они вырезают его не ножом. Сначала ты сам перестаёшь откликаться. Потом забываешь голос матери. Потом вкус хлеба. Потом своё лицо в воде. А когда имени больше нет, они дают новое.

— Какое?

Он хрипло рассмеялся.

— Никакое. “Никто”. Удобное имя для тех, кто должен слушать.

Рейнар сжал его крепче, но ничего не сказал.

Северин пошёл быстрее.

Я видела по его спине: каждое слово ложится на него, как снег. Тихо. Невесомо. А потом вдруг может стать лавиной.

Пещера оказалась не пещерой.

Старая дорожная часовня, врубленная в скалу. Без двери. С разбитой каменной скамьёй у стены и остатками очага. На камне над входом ещё виднелся стёртый знак — лист и северная звезда.

— Арвенн? — спросила я.

Северин провёл пальцами по знаку.

— Дорожный приют хранителей. До падения здесь остав-

ляли воду и сухари для тех, кто шёл через перевал.

Прохор бы одобрил.

Мы уложили раненого на плащ. Рейнар сел рядом слишком резко и тут же сжал зубы.

— Теперь вы, — сказала я.

— Сначала он.

— Вы оба.

— Ева...

— Рейнар.

Он посмотрел на меня.

Усталый, бледный, упрямый. Но в этот раз уступил почти сразу.

— Хорошо.

Я проверила раненого первым.

Кровь шла из раны под рёбрами. Разрез узкий, глубокий, нанесённый чем-то тонким. Не случайная травма. Кто-то ударил точно, но не добил. Или не успел.

Мох-стерильник почернел по краям, но центр остался светлым.

— Рана заражена слабо, — сказала я. — Основная опасность — потеря крови и то, что сидит в повязке.

Безымянный вздрогнул.

— Не снимайте.

Я присела ближе.

— Слушай меня. Мне нужно понять, что там. Я не буду срывать ткань. Только посмотрю край. Если станет хуже —

остановлюсь.

Он молчал.

Потом едва слышно сказал:

— Когда я вспомнил тепло, они сказали, что глаза больше мне не нужны.

Рейнар резко поднял голову.

Северин обернулся от входа.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Они сделали это с тобой?

— Нет. Я сам.

Он улыбнулся так страшно, что на мгновение стал похож на старика.

— Так учат в обители. Если увидишь себя — захочешь имя. Если захочешь имя — захочешь жизнь. А жизнь мешает служить.

Лина бы сказала что-нибудь резкое.

Я только выдохнула.

Очень медленно.

Чтобы не дать злости сделать голос жёстким.

— Ты вспомнил тепло, — сказала я. — Что это было?

Его пальцы шевельнулись.

— Руки. Женские. Запах трав. Кто-то укрывал меня одеялом. Я болел. Она сказала: “Спи, Лёвушка, я рядом”.

Северин резко замер.

— Лёвушка, — повторила я.

Раненый задрожал.

— Не называйте...

— Почему?

— Больно.

— Значит, живое.

Он отвернулся, насколько мог.

Северин подошёл ближе.

— Это твоё имя?

— Не знаю.

— Но отзывается?

Юноша не ответил.

По щеке из-под повязки медленно скатилась тёмная слеза.

Я осторожно коснулась его плеча.

— Мы можем пока звать тебя Лев. Не если больно — тогда остановимся. Но “Никто” я использовать не стану.

Он лежал тихо.

Потом едва заметно кивнул.

— Лев, — сказал Северин.

Раненый резко вдохнул.

Белая повязка затрещала.

На ткани проступили чёрные буквы:

ОШИБКА.

Рейнар поднялся, но я удержала его жестом.

— Лев, — повторила я мягче. — Ты в дорожной часовне. С нами. Север далеко, но не здесь. Твоё имя возвращается не всё сразу. Только одна буква за другой.

Его дыхание стало неровным.

Северин опустил на корточки рядом.

— Лёвушка, — сказал он очень тихо, почти неловко, будто слово было чужим и хрупким. — Если это имя твоё — держись за него. Если не твоё, всё равно держись за тепло. Корона боится не имён в книгах. Она боится того, что человек помнит, как его звали любя.

Повязка почернела ещё сильнее.

Потом треснула посередине.

Не открылась.

Просто по ней прошла тонкая светлая линия.

Лев заплакал.

Беззвучно.

Я занялась раной.

Иногда лучше дать человеку плакать и делать своё дело рядом, чем пытаться закрыть боль словами.

Рейнар помогал молча. Подавал воду, держал ткань, согревал ладони слабой искрой, чтобы кровь не шла так быстро. Один раз его пальцы дрогнули, и пламя вспыхнуло ярче.

— Рейнар.

— Вижу.

Он сразу убрал жар.

Вот оно, новое отличие: раньше он бы спорил, что контролирует. Теперь просто исправлял.

Когда рану удалось перевязать, я наконец повернулась к нему.

— Теперь вы.

— Я могу подождать.

— Не можете.

Он сел на каменную скамью.

Я проверила его шею, грудь, пульс. Гниль не усилилась, но усталость делала своё. На коже снова проступал жар. Под глазами залегли тени. Плечо, где старая рана открывалась после полёта, кровило.

— Вам нужен отдых, — сказала я.

— Всем нужен.

— У некоторых больше оснований.

— У некоторых больше долгов.

Я подняла глаза.

— Долги не держат тело на ногах.

Он посмотрел на Льва.

— Иногда держат.

Северин у входа тихо сказал:

— Плохая опора.

Рейнар повернулся к нему.

— Знаю.

Два слова.

Спокойные.

Между ними снова прошла та странная новая нить. Не дружба. Не примирение. Но уже способность слышать друг друга без немедленного удара.

Снаружи завыл ветер.

Снег пошёл внезапно.

Плотный, мелкий, колючий. За несколько минут склон перед часовней побелел, а следы за нами начали исчезать.

— Север накрывает дорогу, — сказал Лев.

Голос стал слабее, но яснее.

— Они делают так всегда. Снег прячет тех, кто вошёл без имени. И тех, кто уже не выйдет.

— Нам нужно идти, — сказал Северин.

Я посмотрела на раненого.

Лев был в сознании, но слаб. Оставить его здесь — значит отдать холоду или тем, кто придёт следом. Взять с собой — замедлить путь, дать Чёрной Короне ещё одну нить к нам.

Вариантов хороших не было.

Как обычно.

— Мы можем отправить его обратно в Глухолесье? — спросила я.

Северин вышел к порогу и коснулся каменного знака над входом.

Знак ответил слабым зелёным светом.

— Часовня связана с домом. Очень слабо. Но можно попробовать открыть короткую дорогу.

— Опасно?

— Да.

— Для кого?

Он посмотрел на Льва.

— Для него. Если имя не удержится, дорога может не понять, кого вести.

Лев сжал край плаща.

— Не назад.

Я присела рядом.

— Почему?

— Они найдут. Через меня. Через повязку. Через письмо.

Если я войду в ваш лес, север увидит тропу.

Матвей говорил похожее: связь идёт через память.

— Тогда что ты предлагаешь?

Лев медленно повернул голову к Северину.

— Возьмите меня к обители.

Рейнар резко сказал:

— Нет.

— Я знаю внутренний двор. Колодец без воды. Часовню молчания. Лестницу под чёрной плитой.

— Ты ранен, — сказал Рейнар.

— Я всё равно уже открыт для них. Лучше быть открытой дверью рядом с вами, чем брошенной дверью в снегу.

Я не любила, когда люди говорили о себе как о вещах.

Но спорить с логикой было трудно.

Северин молчал.

Ему этот выбор давался тяжелее всего. Лев был одновременно опасностью, свидетелем и человеком, в котором уже начала возвращаться жизнь.

— Сможешь идти? — спросила я.

— Нет.

— Честно.

— Ползти тоже плохо.

Рейнар устало усмехнулся.

— Наконец-то разумный пациент.

— Тогда сделаем носилки, — сказала я.

Северин посмотрел на склон.

— Снег скоро скроет тропу.

— Значит, быстрее.

Из старой часовни удалось снять две доски от разбитой лавки. Рейнар отдал плащ, я — часть перевязочной ткани, Северин нашёл в камнях старый кожаный ремень. Получились носилки, страшные на вид, но рабочие.

Лев лежал на них тихо.

Слишком тихо.

Я наклонилась ближе.

— Не уходи внутрь себя.

— Там теплее.

— Обман.

— Знаю.

— Тогда говори.

Он повернул лицо к потолку часовни.

— О чём?

— Что помнишь.

Долгая пауза.

Потом:

— Тёплые руки. Травы. Женщина пела. Не слова, только звук. У неё были серые глаза.

Северин у входа побледнел.

— Моя мать пела без слов, когда думала, что я сплю.

Лев замолчал.

Северин подошёл ближе.

— Как её звали?

— Не знаю.

— Вспомни.

— Если вспомню, они услышат.

— Пусть, — сказал Северин. — Я тоже хочу услышать.

Ветер ударил в вход часовни.

Снег закружился внутри, но не коснулся нас. Медальон Аделаиды на моей груди стал холоднее.

Лев прошептал:

— Элиана.

Северин закрыл глаза.

Имя прошло по часовне мягким светом.

Элиана.

Мать Северина.

Живая или мёртвая, пленница или служительница, спасённая или сломанная — теперь у неё снова было имя в нашем круге.

И север ответил.

Далеко, за перевалом, ударил колокол.

На этот раз не один.

Три удара.

Лев застонал.

Повязка на его глазах почернела полностью, а потом на ней проступили новые буквы:

ИМЯ ПРИНЯТО.

МАТЬ УСЛЫШАЛА.

Северин пошатнулся.

Я схватила его за руку.

— Дыши.

— Она жива, — сказал он.

В голосе была надежда. Такая хрупкая, что от неё становилось страшно.

— Возможно.

— Не забирай это слово.

— Я не забираю. Просто держу рядом с осторожностью.

Он посмотрел на меня.

Боль в его глазах была почти детской.

— Я хочу верить.

Я сжала его руку.

— Верим. Но идём с открытыми глазами.

Лев вдруг начал смеяться.

Тихо, больно.

— Открытыми... хорошая шутка.

Я не удержалась и тоже почти улыбнулась.

— У тебя, кажется, возвращается характер.

— Это опасно?

— Очень. Но полезно.

Рейнар поднял носилки с одной стороны, Северин — с другой. Я шла рядом, придерживая Льва и следя за повязкой. Мы вышли из часовни в снег.

Следы назад уже исчезли.

Впереди склон уходил к каменному мосту — границе, после которой власть Глухолесья слабела. За мостом начинались земли без имён.

Снег летел всё плотнее.

Северный колокол молчал, но в этом молчании чувствовалось ожидание.

Мы прошли половину спуска, когда Лев вдруг прошептал: — Стойте.

Рейнар и Северин остановились сразу.

— Что?

Лев повернул голову к ветру.

— Они рядом.

Снег перед нами начал темнеть.

Из белой пелены появились силуэты.

Не пятеро.

Десятки.

Люди в серых плащах, с белыми повязками на глазах. Они стояли на склоне, перекрывая дорогу к мосту.

А впереди всех — женщина.

Без повязки.

С седыми прядями в тёмных волосах.

С серыми глазами.

Такими же, как у Северина.

Он перестал дышать.

Женщина смотрела прямо на него.

Потом сказала:

— Сын.

Слово было живым.

Тёплым.

И оттого страшнее любой лжи.

Глава 9. Женщина с глазами Северина

— Сын.

Одно слово.

И весь склон будто перестал существовать.

Снег продолжал падать, люди в серых плащах стояли по-лукольцом у каменного моста, ветер тянул ледяные нити по лицу, но всё это ушло куда-то в сторону.

Осталась только женщина.

Высокая, худая, в тёмном северном платье, поверх которого был накинут серый плащ без знаков. Волосы, когда-то, наверное, почти чёрные, теперь были прошиты серебром. Лицо — красивое, измождённое, с тонкими морщинами у губ и глаз. Но глаза...

Глаза были Северина.

Та же серость перед грозой. Та же привычка смотреть прямо, даже когда больно.

Северин стоял неподвижно.

Его пальцы на ручке носилок побелели. Лев, лежавший между ним и Рейнаром, тихо застонал, но никто сразу не двинулся.

Я смотрела на женщину и пыталась заставить себя думать.

Только думать было трудно.

Потому что рядом со мной человек, который всю жизнь считал мать потерянной, вдруг услышал её голос.

Живой.

Тёплый.

Такой, каким голос из ловушки быть не должен.

— Элиана, — произнёс Северин.

Женщина улыбнулась.

Слёзы блеснули у неё на ресницах, но не упали.

— Ты вырос.

В этой фразе было столько настоящего горя, что у меня сжалось горло.

Северин сделал шаг.

Я поймала его за рукав.

Не удерживая силой.

Просто напоминая, что он не один.

Он замер.

Взгляд на мгновение опустился к моей руке, потом вернулся к женщине.

— Докажи, — сказал он.

Одно слово далось ему хуже, чем любая клятва.

Элиана медленно кивнула.

— В восемь лет ты прятал в сапоге деревянного солдата, потому что боялся, что я выброшу его за кривой меч. Я знала. Я сама поправляла его, когда ты спал.

Северин побледнел.

Люди без имён стояли молча. Их белые повязки темнели

на фоне снега, как слепые пятна.

— Ещё, — сказал он.

Женщина сделала шаг ближе, но до моста оставалось расстояние. Между нами и ею проходила тонкая граница — невидимая, но осязаемая. Земля Глухолесья заканчивалась у наших ног. Дальше начинались земли без имён.

— Ты не любил молоко с мёдом, но пил, когда отец смотрел, потому что он говорил: “Будешь сильным”. Потом просил у меня воды. Я давала и обещала никому не рассказывать.

Северин закрыл глаза.

Его рука дрогнула под моей.

— Мама...

Слово вырвалось не у мужчины.

У мальчика из погребя.

И именно поэтому стало страшно.

Элиана протянула руки.

— Иди ко мне. Быстро. Пока они позволяют.

Я услышала в этой фразе трещину.

Не в голосе. В смысле.

Пока они позволяют.

Северин тоже услышал. Я поняла по тому, как он открыл глаза.

— Кто позволяет?

Женщина опустила руки.

Лица людей без имён оставались пустыми, закрытыми бе-

лыми тканями. Но воздух вокруг них изменился. Словно склон сделал вдох.

— Обитель, — сказала Элиана тихо. — Она держала меня много лет. Я служила, чтобы выжить. Молчала, чтобы поминить. Забывала, чтобы не сойти с ума. Теперь они дали мне увидеть тебя.

Рейнар осторожно поставил свою часть носилок на снег.

— Зачем?

Элиана посмотрела на него.

И в её глазах вспыхнула такая ненависть, что воздух стал холоднее.

— Алый дом.

Рейнар не отвёл взгляда.

— Да.

— Твой отец сжёг моего мужа.

— Да.

— Твой дом отдал меня обители.

— Да.

Она усмехнулась.

— Как легко вы теперь говорите “да”.

Рейнар стоял бледный, с поджатыми губами. Снег ложился ему на волосы, на плечи, на повязку у воротника. Он мог ответить. Мог сказать, что это был не он. Что тогда он был ребёнком. Что вина отца — не его рука.

Но он молчал.

И это молчание оказалось правильнее любых слов.

Элиана перевела взгляд на меня.

— А ты — хозяйка леса?

— Ева.

— У тебя его рука.

Я поняла, что всё ещё держу Северина за рукав.

Отпустить сейчас было бы неправдой.

Поэтому я не отпустила.

— Да.

Её взгляд стал внимательнее. Не злым. Испытывающим.

— Ты поведёшь его к обители?

— Если он сам решит идти.

— Он уже решил.

— Тогда пойду рядом.

Элиана печально улыбнулась.

— Рядом с Арвенном долго не ходят. Рано или поздно он становится впереди всех. Так устроена кровь.

— Кровь многое предлагает, — сказала я. — Человек не обязан соглашаться.

Люди без имён шевельнулись.

Серые плащи качнулись одновременно, хотя ветер дул с другой стороны.

Элиана слегка повернула голову.

— Осторожнее, Ева. Они не любят, когда имя ставят выше предназначения.

— Заметно.

Лев, лежавший на носилках, вдруг прошептал:

— Элиана...

Женщина вздрогнула.

Её лицо изменилось.

— Лёвушка?

Раненый попытался подняться, но сил не хватило.

— Я вспомнил тепло.

Она закрыла рот ладонью.

Теперь слёзы всё-таки упали.

— Ты жив.

— Пока.

— Я думала, они забрали тебя полностью.

Люди без имён снова качнулись.

Один из них, стоявший за спиной Элианы, заговорил:

— Разговор окончен. Наследник получил доказательство.

Пусть идёт.

Голос был ровный, без возраста.

Элиана чуть сжалась, но не обернулась.

Северин сделал шаг вперёд.

Я почувствовала, как через его тело прошёл зов. Чёрная нить под повязкой ожила. Ленточка Лины рядом с ней дрогнула на ветру.

— Нет, — сказал он.

Серые плащи зашептались.

— Нет? — переспросил голос.

Северин поднял голову.

— Я не перейду границу, пока мать не скажет, зачем оби-

тель послала её сюда.

Элиана смотрела на него с болью и гордостью одновременно.

— Ты всё-таки сын своего отца.

— Мой отец просил жить. Не идти на зов.

Она закрыла глаза.

Люди без имён начали приближаться.

Медленно.

Без оружия.

От этого было только хуже.

Рейнар поднял меч, но не выставил вперёд. Просто дал понять: следующий шаг будет замечен.

— Элиана, — сказал Северин. — Скажи.

Её губы дрогнули.

— Они хотят, чтобы ты перешёл мост добровольно. На той стороне твоё имя станет открытым для обителя. Пока ты здесь, с живыми якорями, они могут тянуть, но не взять. Там — смогут говорить с тобой без преград.

— А ты?

— Я — приманка.

Северин вздохнул.

Точнее, воздух будто вырвали из его груди.

Я сжала его рукав сильнее.

Элиана подняла руки, показывая пустые ладони.

— Но я ещё и мать. Поэтому слушай внимательно. Через старый мост идти нельзя. Под ним течёт вода без отражений.

Она забирает то, что человек не хочет видеть в себе. У безымянных забирать нечего. У тебя — слишком много.

— Есть другой путь? — спросила я.

Элиана посмотрела на меня.

— Есть. Через нижний карниз. Тропа козопасов. Опасная, длинная, под снегом. Обитель не любит её, потому что там сохранился старый камень Арвенна.

Лина была бы довольна: козы снова оказались важны.

— Почему ты помогаешь? — спросил Рейнар.

Элиана медленно повернулась к нему.

— Потому что не хочу, чтобы мой сын стал короной для мёртвой женщины. Даже если для этого придётся говорить с сыном того, кто разрушил мою жизнь.

Рейнар принял удар молча.

Северин смотрел на мать так, будто боялся моргнуть и потерять её.

— Пойдём с нами, — сказал он.

Элиана улыбнулась.

Горько.

— Не могу.

— Почему?

Она коснулась своего горла.

Только теперь я заметила тонкую чёрную линию под кожей. Не ожерелье. Не шрам. Знак, вшитый в плоть.

— Обитель держит меня словом. Если я уйду дальше трёхсот шагов от безымянных, моё имя начнёт распадаться.

— Мы снимем.

Я сказала это быстрее, чем подумала.

Элиана посмотрела на меня.

— Ты смелая.

— Не всегда. Но упрямая.

— Это иногда лучше.

Люди без имён остановились.

Тот, кто говорил за них, поднял руку.

— Элиана нарушает молчание. Элиана вспоминает больше дозволенного. Элиана должна вернуться.

Северин шагнул перед ней, хотя между ними всё ещё оставался мост и чужая земля.

— Она не вещь.

— Она служительница обители.

— Она Элиана.

Слово ударило по снегу зелёным светом.

Медальон Аделаиды на моей груди стал ледяным. Я поняла: имя, произнесённое сыном, имеет силу. Но сила эта опасна. Чем громче Северин звал мать к жизни, тем ярче становился знак на её горле.

Элиана застонала.

Чёрная линия сжалась.

— Хватит, — прошептала она. — Не тяни меня так. Они используют это.

Северин отступил на полшага.

Его лицо стало серым.

— Что делать?

Она смотрела на него, запоминая.

— Живи до новой луны. Не склоняй голову. Не верь, когда тебе покажут меня на троне рядом с тобой. Не верь, если я сама буду просить.

— Мама...

— Обещай.

Он молчал.

Она сказала жёстче:

— Северин.

Он вздрогнул.

— Обещаю.

Элиана закрыла глаза с облегчением.

Потом вдруг сорвала с рукава маленькую застёжку — простую, костяную, в форме северной звезды — и бросила через мост.

Застёжка упала в снег у наших ног.

— На карнизе ищите три камня, сложенные чашей. Под ними вход.

Говоривший безымянный резко шагнул к ней.

— Довольно.

Рейнар сделал движение вперёд, но Северин удержал его рукой.

— Нет.

— Они уведут её, — сказал Рейнар.

— Знаю.

В голосе Северина было столько боли, что даже снег, казалось, стал падать тише.

Элиана улыбнулась сыну.

— Ты нашёл людей, которые держат тебя за живое. Это хорошо.

Её взгляд на мгновение остановился на мне.

— Береги его, если он позволит. А если не позволит — всё равно стой рядом. Арвенны плохо просят о помощи.

— Я уже заметила, — сказала я.

Северин почти рассмеялся.

Почти.

Безымянные окружили Элиану.

Она больше не сопротивлялась. Только смотрела на сына, пока серые плащи не закрыли её.

— Нижний карниз, — успела сказать она. — До темноты.

Потом снег взвился.

Когда он осел, на склоне остались только следы.

Много следов.

И один каменный мост впереди, под которым текла вода без отражений.

Северин не двигался.

Я подняла костяную застёжку из снега через ткань. От неё пахло дымом, травами и чем-то тёплым. Домом, которого больше нет.

— Она жива, — сказала я тихо.

— Да.

— И она предупредила тебя.

— Да.

Он повернулся ко мне.

В его глазах было слишком много всего: надежда, ужас, злость, нежность, детская боль и взрослая решимость.

— Я хочу броситься за ней.

— Знаю.

— Хочу сжечь мост, обитель, всех их.

— Знаю.

— И всё равно пойду карнизом.

Я кивнула.

— Потому что обещал.

— Потому что она попросила.

Он посмотрел на мост.

Чёрная нить на его запястье билась, как живая.

Но ленточка Лины держалась рядом.

Я протянула ему застёжку.

— Это тоже якорь.

Северин взял её.

На миг его пальцы накрыли мои.

— Спасибо.

Рейнар осторожно поднял носилки со стороны ног.

— Если хотим дойти до карниза до темноты, нужно идти сейчас.

Северин посмотрел на него.

Боль из сна между ними никуда не делась. Приказ Алого

дома тоже.

Но сейчас Рейнар стоял здесь, держал носилки с раненым безымянным и не прятался от вины своего рода.

Северин взял вторую сторону носилок.

— Идём.

Мы свернули с дороги.

Каменный мост остался слева. Вода под ним шумела тихо, почти ласково. Я старалась не смотреть вниз, но всё-таки увидела: в воде не отражалось ничего. Ни снег, ни скалы, ни мы.

Пустота.

Хорошо, что Элиана предупредила.

Нижний карниз оказался узкой белой линией вдоль скалы. Один неверный шаг — и вниз, в туман, где даже звук падал без эха. Ветер бил сбоку. Носилки приходилось держать низко. Лев был почти без сознания, но иногда шептал своё новое-старое имя, словно боялся потерять его среди снега.

— Лев, — повторяла я. — Держись.

— Лёвушка, — иногда говорил Северин.

И всякий раз раненый дышал чуть ровнее.

Снег усиливался.

Темнело.

Мы шли медленно.

Слишком медленно.

Но шли.

Уже почти у конца карниза Рейнар вдруг остановился.

— Слышите?

Я прислушалась.

Сначала только ветер.

Потом — плач.

Женский.

Очень тихий.

Северин побледнел.

— Мама.

Я схватила его руку.

— Нет. Она предупредила.

Плач стал громче.

— Северин... помоги...

Его лицо исказилось.

Рейнар поставил носилки на снег и шагнул перед ним.

— Это не она.

— Отойди.

— Нет.

Два мужчины стояли на карнизе лицом к лицу. За спиной

— пропасть, впереди — снег и плач, который вытягивал из Северина разум, как нитку из ткани.

Рейнар сказал тихо:

— Если хочешь ударить — ударь меня. Только не иди на голос.

Северин дрожал.

Я видела, как тяжело ему стоять.

Тогда Лев вдруг открыл рот и запел.

Слабым, хриплым голосом.

Без слов.

Простой напев.

Тот самый, о котором говорил: женщина с серыми глазами
пела ему, когда он болел.

Северин замер.

Плач в снегу оборвался.

Напев был тихий, но в нём было тепло рук, трав, одеяла,
живой памяти.

Северин сделал шаг назад от края.

Я выдохнула.

Рейнар тоже.

А впереди, сквозь снег, показались три камня, сложенные
чашей.

Под ними — узкий чёрный вход в скалу.

Мы нашли путь, который обитель не любила.

И где-то внутри горы, за камнем, нас уже ждали.

Глава 10. Тропа под камнем

Три камня, сложенные чашей, были почти полностью засыпаны снегом.

Если бы Элиана не сказала искать именно их, мы прошли бы мимо. Обычный выступ скалы, обычная белая кромка на краю карниза, обычное место, где человек поскальзывается, падает вниз и исчезает без следа.

Северин опустил на колено и осторожно смахнул снег с верхнего камня.

Под ним проступил старый знак.

Лист.

Чаша.

И северная звезда.

Те же линии, что над входом в дорожную часовню, только глубже, чётче. Будто кто-то вырезал их с такой надеждой, что камень до сих пор помнил тепло руки.

— Это путь хранителей, — сказал Северин.

Его голос всё ещё был хриплым после того, как голос матери звал из снега. Не настоящий голос — приманка. Но боль от этого не становилась слабее.

Рейнар стоял у края карниза, удерживая носилки с Львом. Снег ложился ему на плечи, превращая алый плащ в почти серый. От прежнего герцога, сияющего властью и самоуверенностью, осталось мало. Сейчас он был просто измучен-

ным мужчиной, который держал раненого и не позволял себе опустить руки.

— Путь открывается кровью Арвенна? — спросил он.

— Скорее памятью, — ответил Северин. — Но кровь может.

Я сразу подняла голову.

— Без лишних порезов.

Северин посмотрел на меня.

В уголках губ мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Я уже понял, что ты против бессмысленного кровопускания.

— Я против, когда у людей и так проблемы с выживанием.

— Значит, осмысленное можно?

— Не увлекайся логикой.

Он снял с запястья ленточку Лины, приложил её к знаку и накрыл сверху ладонью. Потом рядом положил костяную застёжку Элианы.

Два маленьких якоря.

Ребёнок из Первой заставы и мать, которую уводили в обитель.

Живое и утраченное.

Знак на камне вспыхнул.

Не ярко. Тускло, зелёным светом, словно глубоко внутри скалы проснулся старый уголь. Камни дрогнули, разошлись, и под ними открылся узкий проход вниз.

Оттуда пахнуло холодной водой, пылью и травами.

Не гнилью.

Это уже было хорошей новостью.

— Носилки пройдут? — спросил Рейнар.

Северин заглянул внутрь.

— Узко, но да. Если наклонить.

Лев застонал.

Повязка на его глазах опять потемнела, но светлая трещина посередине держалась.

— Там... не любит имена, — прошептал он. — Нижний путь помнит тех, кто не дошёл.

Я присела рядом.

— Ты помнишь своё?

Он сглотнул.

— Лев. Кажется.

— Достаточно на сейчас.

— Если я начну говорить чужим голосом...

— Мы заметим.

— Если попрошу оставить меня...

— Не поверим сразу.

Он слабо усмехнулся.

— Вы странная.

— Мне часто говорят.

— В обители странных ломают первыми.

— Тогда постараюсь быть неудобной.

Северин спустился первым. Потом мы осторожно передали ему носилки. Проход действительно оказался тесным,

каменные стены почти касались плеч. Рейнар спускался последним, боком, прикрывая вход, пока камни над нами снова не сомкнулись.

Свет исчез.

На миг стало так темно, что я не увидела даже собственной руки.

Потом медальон Аделаиды на моей груди тихо засветился.

Внутренняя капля воды стала похожа на маленькую звезду.

Туннель проявился вокруг: грубый камень, старые корни в трещинах, узкая тропа вниз и влажные стены, на которых местами были вырезаны имена.

Я подошла ближе к одной надписи.

Мара. Дошла.

Ни титула. Ни рода. Только имя и одно слово.

Ниже:

Оллен. Вернулся.

Ещё ниже, почти у пола:

Сай. Испугался, но всё равно вошёл.

Я провела пальцами над буквами, не касаясь.

— Это кто?

— Те, кто пользовался нижним путём, — сказал Северин.

— Хранители, беглецы, посланники. Обитель стирала имена наверху, а здесь люди оставляли их перед входом.

— Чтобы не забыть?

— Чтобы путь помнил за них.

Лев тихо заплакал.

Не от боли. От узнавания.

— Нас водили другим ходом, — прошептал он. — Белым. Там на стенах нет ничего. Только гладкий камень. И пока идёшь, тебе говорят: “Ты легче без имени. Ты чище без прошлого. Ты свободнее без боли”. А потом становится пусто.

Рейнар поправил край носилок.

— Пустота удобна тем, кто хочет наполнить её приказом.

Лев повернул голову к нему.

— Ты был таким?

Вопрос был слишком прямым.

Я напряглась, но Рейнар ответил не сразу и не резко.

— Да. Только мне оставили имя, дом и герб. Пустоту называли долгом.

Лев долго молчал.

— Значит, обитель просто честнее?

— Нет, — сказал Северин. — Она просто режет там, где другие давят.

Мы пошли вниз.

Тропа под камнем вела не прямо. Она петляла, уходила в скалу, снова поднималась, проходила над чёрными провалами и вдоль подземных ручьёв. Вода журчала где-то рядом, но в темноте её почти не было видно. Иногда медальон вспыхивал ярче, и тогда на стенах проступали новые имена.

Элиана. Не забыла.

Северин остановился.

Я тоже.

Надпись была старая, полустёртая, но живая. Буквы вырезаны неровно, будто человек делал это в спешке, возможно, сломанным камнем.

Северин поднял руку, но остановился в нескольких сантиметрах от стены.

— Она была здесь.

— Да.

Голос у меня прозвучал мягче, чем я ожидала.

Он всё-таки коснулся букв.

На его запястье чёрная нить вспыхнула, но рядом с ней ожила ленточка Лины. Костяная застёжка Элианы в его другой руке стала тёплой.

— Не забыла, — повторил он.

Рейнар стоял чуть в стороне.

Я видела, как ему тяжело смотреть на эту надпись. Не потому, что она обвиняла его лично. Именно потому, что она не обвиняла. Просто существовала. Женщина, которую его дом отдал обители, нашла способ оставить себя на стене. И это было сильнее крика.

Лев вдруг зашевелился.

— Дальше есть зал.

— Какой? — спросил Северин.

— Зал отказов. Туда приводили тех, кто ещё сопротивлялся. Они должны были оставить на камне последнее имя,

которое любят. После этого становилось легче забыть своё.

Я почувствовала, как по коже прошёл холод.

— Последнее имя, которое любят?

Лев кивнул.

— Им говорили, что любовь — крючок боли. Что если отпустить любимое имя, никто больше не сможет ранить.

— А на самом деле?

— После этого человек перестаёт защищаться.

В туннеле стало ещё холоднее.

Мы прошли дальше, и вскоре тропа вывела нас в широкий подземный зал.

Я сразу поняла: это он.

Зал отказов.

Высокие стены уходили вверх, теряясь во тьме. На полу — круглая каменная плита с углублением в центре. В углублении лежали сотни маленьких табличек. Деревянные, костяные, каменные, металлические. На каждой было имя.

Не имя того, кто пришёл.

Имя того, от кого его заставили отказаться.

Мама.

Тир.

Аленка.

Брат.

Рута.

Мой сын.

Я сам.

Последняя табличка заставила меня остановиться.

Я сам.

Человек отказался даже от собственного образа, как от любимого имени.

— Как удобно, — сказал Рейнар глухо. — Сначала убедить, что боль рождается из привязанности. Потом забрать привязанность. Потом дать новую цель.

— Корону, — добавил Северин.

Медальон Аделаиды на моей груди стал ледяным.

На дальней стене зала висела чёрная надпись:

Кто не любит — тот свободен.

Я вдруг разозлилась так сильно, что на секунду забыла про усталость.

Не резко, не криком.

Глубоко.

До дрожи.

Потому что это была идеальная ложь для раненых людей. Такая красивая, такая чистая, почти разумная. Да, любовь делает уязвимым. Да, близкие могут умереть, предать, исчезнуть, быть использованы врагом. Да, иногда сердце болит

именно там, где оно живое.

Но отрезать живое, чтобы больше не болело, — значит позволить тьме не просто ранить тебя, а переписать.

Северин подошёл к углублению и опустился перед табличками.

— Где её табличка?

Я поняла без уточнений.

Элиана.

Если её привели сюда, она должна была оставить имя.

Кого она любила последним перед отказом?

Мужа?

Сына?

Себя?

Мы начали искать.

Рейнар положил носилки со Львом у стены и тоже опустился к табличкам. Его пальцы осторожно перебирали имена, словно каждое могло обжечь.

Лев слабо сказал:

— Если имя не оставлено, человека ломают дольше.

— А если оставлено не то? — спросила я.

— Тогда обитель ошибается.

Мы нашли табличку через несколько минут.

Маленькая костяная пластинка.

На ней было вырезано одно слово.

Север.

Не Северин.

Север.

Домашнее имя. Сокращённое. Тёплое. То, каким могла звать мать сына, когда поправляла одеяло, когда давала воду вместо молока с мёдом, когда шептала “молчи” перед тем, как закрыть крышку погреба.

Северин взял табличку.

И в этот момент зал ожил.

Стены зашептали.

Сотни голосов, мягких, убеждающих, жалостливых:

— Отпусти, и боль уйдёт.

— Отпусти, и станет легче.

— Отпусти имя, и никто не сможет забрать его снова.

— Склони голову, наследник.

— Корона сохранит всех, кого ты потерял.

Табличка в руке Северина почернела по краям.

Я шагнула к нему, но пол между нами раскололся тонкой линией.

Не глубокой.

Но достаточной, чтобы разделить.

— Северин, — сказала я.

Он не ответил.

Смотрел на табличку.

Голос зала стал голосом Элианы:

— Север, если ты станешь королём, я смогу выйти. Если возьмёшь корону, боль получит смысл.

Его лицо изменилось.

Я видела, как эти слова входят в него.

Не как приказ.

Как мечта.

Спасти мать. Дать смысл отцу. Вернуть Арвенн. Стать тем, кто больше никогда не будет прятаться в погребке.

Самая опасная ложь — та, в которой есть право на слёзы.

Рейнар сделал шаг к трещине.

— Северин.

Голос зала тут же сменился.

Теперь говорил отец Северина:

— Не слушай дракона. Их пламя сожгло меня.

Рейнар замер.

Не от страха.

От вины.

Я увидела, как его рука сжалась на мече. Не чтобы ударить. Чтобы удержаться.

— Да, — сказал он. — Сожгло.

Зал притих.

Рейнар поднял голову.

— И я не имею права просить твоего доверия. Но если корона обещает вернуть мёртвых через власть, она лжёт. Мой дом верил в власть веками. Она не вернула никого. Только

делала новые могилы.

Северин дрогнул.

Но табличка в его руке продолжала чернеть.

Я посмотрела на трещину под ногами.

Глубина небольшая.

Перешагнуть можно.

Опасно? Да.

Зал явно ждал, что я останусь на своей стороне, буду говорить, звать, убеждать. Но иногда рядом — это не слово.

Я перешагнула.

Камень под ногой тут же стал ледяным. Тьма попыталась подняться по сапогу, но медальон Аделаиды вспыхнул. Я дошла до Северина и положила ладонь поверх его руки с табличкой.

— Она не отказалась от тебя, — сказала я.

Он смотрел на кость.

— Здесь её отказ.

— Нет. Здесь доказательство, что она солгала обителю. Они попросили последнее имя, которое она любит. Она дала не полное. Спрятала тебя в коротком домашнем имени. Оставила им не ключ, а тень ключа.

Северин медленно повернул ко мне лицо.

— Ты думаешь?

— Я вижу. Смотри.

Я указала на обратную сторону таблички.

Там, почти незаметно, была царапина.

Не буква.

Маленькая птица.

Кривая, как деревянные птицы Данко.

— Это знак дороги, — прошептал Северин.

— Она оставила тебе путь. Не отказ.

Табличка перестала чернеть.

Голоса зала стали злее.

— Хозяйка вмешивается. Хозяйка привязывает. Хозяйка делает боль сильнее.

Я подняла голову.

— Нет. Я просто называю вещи честнее вас.

Пол под нами дрогнул.

Лев вдруг приподнялся на носилках.

— Там! — крикнул он. — У стены! Возьмите мою!

Рейнар кинулся к дальнему углублению.

— Какую?

— Я не помню!

— Лев, думай!

Раненый застонал.

— Тёплые руки... травы... голос... меня звали...

Я поняла.

— Ищи “Лёвушка”.

Рейнар начал перебирать таблички быстрее. Потом замер.

— Нашёл.

Он поднял маленькую деревянную пластинку.

На ней было вырезано:

Лёвушка.

И ниже, другой рукой, едва заметно:

Не отдавать.

Лев заплакал.

— Она... она оставила и меня?

Северин сжал табличку матери.

— Элиана прятала имена.

Зал взвыл.

Теперь уже открыто.

Стену прорезала чёрная трещина. Из неё потянулись руки

— тонкие, белые, без пальцев, как слепленные из воска. Они тянулись к табличкам.

— Имена принадлежат обителю.

— Неправда, — сказал Северин.

Его голос стал ниже.

Сильнее.

Но не королевским.

Живым.

Он поднял костяную табличку.

— Имя принадлежит тому, кто на него откликается.

Я почувствовала, как в зале меняется воздух.

Рейнар бросил табличку Льва ему на грудь. Раненый вцепился в неё обеими руками.

— Лев, — сказал я.

— Лев, — повторил Северин.

— Лев, — сказал Рейнар.

Белая повязка на глазах раненого треснула пополам.

Не упала, но из-под неё пробился мягкий свет.

Он закричал.

Крик был страшный — больной, освобождающий, почти детский.

Таблички в углублении зашевелились.

Одна за другой на них вспыхивали скрытые царапины. Птицы. Листья. Домики. Сердца. Крошечные знаки сопротивления тех, кто вроде бы отказался, но в последнюю секунду оставил лазейку для памяти.

Обитель не была всесильна.

Люди даже в ужасе умели прятать любовь глубже приказов.

Северин посмотрел на меня.

— Надо забрать их.

— Все?

— Сколько сможем.

Рейнар уже снимал плащ.

— Сюда.

Мы сгребали таблички в плащ, пока зал трещал, злился, тянулся восковыми руками. Я знала, что это риск. Каждое имя — связь. Каждая связь — след. Но оставить их здесь было хуже.

Если имена — двери, то обитель слишком долго держала ключи.

Пора было вернуть хотя бы часть.

Когда плащ наполнился, Северин взял носилки с одной стороны. Рейнар — с другой. Я держала медальон, освещая проход.

— Куда дальше? — спросил Рейнар.

Лев, тяжело дыша, прошептал:

— Лестница под чёрной плитой. За залом. Она ведёт во внутренний двор.

— Где Элиана?

— Если её наказали... в часовне молчания.

Северин сжал табличку.

— Ведёшь.

Лев кивнул.

Мы вышли из зала отказов, унося с собой десятки имён.

За спиной чёрная надпись на стене треснула.

Кто не любит — тот свободен.

По ней пошла новая царапина, тонкая, зелёная, живая.

Слова изменились сами.

Кто любит — тот возвращается.

Северин оглянулся.

И впервые за этот день улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Но уже без боли на первом месте.

— Моя мать была упрямой, — сказал он.

— Теперь понятно, в кого ты.

Он посмотрел на меня.

В этом взгляде было больше тепла, чем позволяла холод-

ная скала.

— Не только в неё.

Я не успела ответить.

Впереди открылась чёрная плита.

Под ней из темноты поднимался женский шёпот:

— Север... ты всё-таки нашёл мои спрятанные имена.

Голос Элианы.

Настоящий.

И совсем рядом.

Глава 11. Часовня молчания

— Север... ты всё-таки нашёл мои спрятанные имена.

Голос Элианы поднялся из темноты под чёрной плитой.

Не крик. Не зов, сорванный болью. Тихий шёпот женщины, которая слишком долго говорила только внутри себя и теперь боялась произнести лишнее громко.

Северин застыл.

Плащ с табличками имён лежал у Рейнара на плече. Лев дышал неровно на носилках, прижимая к груди свою деревянную пластинку с надписью “Лёвушка”. Медальон Аделаиды светился у меня на груди слабым северным светом.

А под плитой была она.

Элиана.

Живая.

Близкая.

И, возможно, всё ещё связанная с обителем так крепко, что любое неверное движение могло превратить надежду в ловушку.

Северин сделал шаг к плите.

Я не остановила его. Только пошла рядом.

Он заметил.

— Я слышу её, — сказал он почти беззвучно.

— Знаю.

— И боюсь, что это снова не она.

— Тогда проверим вместе.

Слово “вместе” легло между нами крепче любой верёвки.

Рейнар осторожно опустил носилки. Потом снял плащ с табличками и положил его у стены, но руку держал на ткани, будто охранял не деревянные пластинки, а целую толпу людей, которых наконец вынесли из темноты.

— Плита запечатана, — сказал он.

На чёрном камне не было замка. Только круглая выемка в центре и надпись по краю:

Входят те, кто отдал голос. Выходят те, кого назвали.

Матвей бы сейчас долго ругался древними словами. Лина, наверное, сказала бы, что надпись слишком важничает. Мне не хватало их обоих.

Лев поднял голову.

— В выемку кладут табличку. Имя, от которого отказались. Плита открывает путь вниз.

— И забирает имя? — спросила я.

Он кивнул.

— Обычно да.

Северин сжал костяную табличку с коротким “Север”.

Я сразу положила руку поверх его пальцев.

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Там моя мать.

— А это её защита. Она спрятала тебя не для того, чтобы ты отдал себя первой попавшейся плите.

Рейнар тихо сказал:

— У нас есть другие таблички.

— Мы не будем отдавать чужие имена вместо его, — ответила я.

Вышло резче, чем хотела.

Рейнар принял это спокойно.

— Я не это предлагал.

Он развернул плащ.

Среди десятков пластинок некоторые светились слабо-зелёным. Другие оставались тусклыми, почти мёртвыми. Но одна табличка лежала сверху, словно сама выбралась из во-роха.

Каменная.

На ней было вырезано:

Я сам.

Я уже видела её в зале отказов.

Тогда она ударила меня сильнее остальных.

— Это не имя, — сказал Северин.

— Возможно, поэтому плита не сможет забрать его как
имя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.